

СОДЕРЖАНИЕ

Художественная литература	СТР.
Б.Житков «Как я ловил человечков»	2
Я.Аким «Моя родня»	6
С.Михалков «А что у вас?»	7
Русская народная сказка «Никита Кожемяка».	10
Н. Носов «Огурцы»	15
Л.Толстой «Косточка»	22
В.Катаев "Цветик-семицветик"	23
Р.Киплинг "Слонёнок"	35
А. Линдгрен «Карлсон, который живет на крыше»	41
В. Драгунский «Друг детства»	49
И.Ищук «Ладони»	54
Ненецкая сказка «Кукушка»	55
Е.Чарушин «Кошка Маруся»	56
Е.Чарушин «Кот Епифан»,	58
И. Бунин «В лесу»	62
О. Пройслер «Маленькая Баба-Яга»	63
Л. Толстой «Лев и собачка»	66
Дж. Родари «Волшебный барабан»	67
«Три золотых волоска деда Всеведа» пер. с чеш. Н. Аросьевой (из сборника сказок К. Я. Эрбена)	70
Н.Д.Телешов «Крупеничка»	71
Русская народная сказка «Сивка-бурка»	79
В.Сухомлинский "Пусть будут соловей и жук"	87
Русская народная сказка "Хаврошечка"	88
Стихи о друзьях и дружбе	92
В. Осеева «Волшебное слово»	95
В. Драгунский «Сверху вниз наискосок»	98

Как я ловил человечков Борис Житков

Когда я был маленький, меня отвезли жить к бабушке. У бабушки над столом была полка. А на полке парходик. Я такого никогда не видал. Он был совсем настоящий, только маленький. У него была труба: жёлтая и на ней два чёрных пояса. И две мачты. А от мачт шли к бортам верёвочные лесенки.

На корме стояла будочка, как домик. Полированная, с окошечками и дверкой. А уж совсем на корме — медное рулевое колесо. Снизу под кормой — руль. И блестел перед рулём винт, как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие замечательные! Если б хоть один у меня такой был!

Я сразу запросил у бабушки, чтоб поиграть парходиком. Бабушка мне все позволяла. А тут вдруг нахмурилась:

— Вот это уж не проси. Не то играть — трогать не смей. Никогда! Это для меня дорогая память.

Я видел, что, если и заплакать, — не поможет.

А пароходик важно стоял на полке на лакированных подставках. Я глаз от него не мог оторвать.

А бабушка:

— Дай честное слово, что не прикоснёшься. А то лучше спрячу-ка от греха.

И пошла к полке.

Я чуть не заплакал и крикнул всем голосом:

— Честное-расчестное, бабушка. — И схватил бабушку за юбку.

Бабушка не убрала пароходика.

Я всё смотрел на пароходик. Влезал на стул, чтоб лучше видеть. И всё больше и больше он мне казался настоящим. И непременно должна дверца в будочке отворяться. И наверно, в нём живут человечки.

Маленькие, как раз по росту пароходика. Выходило, что они должны быть чуть ниже спички. Я стал ждать, не поглядит ли кто из них в окошечко. Наверно, подглядывают. А когда дома никого нет, выходят на палубу. Лазят, наверно, по лестничкам на мачты.

А чуть шум — как мыши: юрк в каюту. Вниз — и притаятся. Я долго глядел, когда был в комнате один.

Никто не выглянул. Я спрятался за дверь и глядел в щёлку. А они хитрые, человечки проклятые, знают, что я подглядываю. Ага! Они ночью работают, когда никто их спугнуть не может. Хитрые.

Я стал быстро-быстро глотать чай. И запросился спать.

Бабушка говорит:

— Что это? То тебя силком в кровать не загонишь, а тут этакую рань и спать просишься.

И вот, когда улеглись, бабушка погасила свет. И не видно пароходика. Я ворочался нарочно, так что кровать скрипела.

Бабушка:

— Чего ты всё ворочаешься?

— А я без света спать боюсь. Дома всегда ночник зажигают. — Это я наврал: дома ночью темно наглухо.

Бабушка ругалась, однако встала. Долго ковырялась и устроила ночник. Он плохо горел. Но всё же было видно, как блестел пароходик на полке.

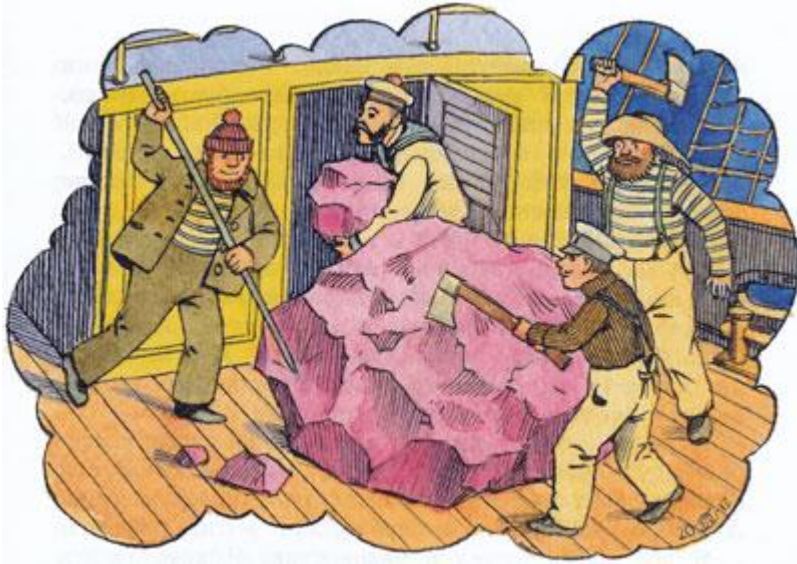
Я закрылся одеялом с головой, сделал себе домик и маленькую дырочку. И из дырочки глядел не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что на пароходике мне всё стало отлично видно. Я долго глядел. В комнате было совсем тихо. Только часы тикали. Вдруг что-то тихонько зашуршало. Я насторожился — шорох этот на пароходике. И вот будто дверка приоткрылась. У меня дыхание спёрло. Я чуть двинулся вперёд. Проклятая кровать скрипнула. Я спугнул человечка!

Теперь уж нечего было ждать, и я заснул. Я с горя заснул.

На другой день я вот что придумал. Человечки, наверно же, едят что-нибудь. Если дать им конфету, так это для них целый воз. Надо отломить от леденца кусок и положить на пароходик, около будочки. Около самых дверей. Но такой кусок, чтоб сразу в ихние дверцы не пролез. Вот они ночью двери откроют, выглянут в щёлочку. Ух ты! Конфетища! Для них это — как ящик целый. Сейчас выскочат, скорей конфетину к себе тащить. Они её в двери, а она не лезет! Сейчас сбегают, принесут топорики — маленькие-маленькие, но совсем всамделишные — и начнут этими топориками тюкать: тюк-тюк! тюк-тюк! И скорей пропирать конфетину в дверь. Они хитрые, им лишь бы всё вёртко. Чтоб не поймали. Вот они завозятся с конфетиной. Тут, если я и скрипну, всё равно им не поспеть: конфетина в дверях застрянет — ни туда, ни сюда. Пусть убегут, а всё равно видно будет, как они конфетину тащили. А может быть, кто-нибудь с перепугу топорик упустит. Где уж им будет подбирать! И я найду на пароходике на палубе малюсенький настоящий топорик, остренький-преостренький.

И вот я тайком от бабушки отрубил от леденца кусок, как раз какой хотел. Выждал минуту, пока бабушка в кухне возилась, раз-два — на стол ногами, и положил леденец у самой дверки на пароходике. Ихних полшага от двери до леденца. Слез со стола, рукавом затёр, что ногами наследил. Бабушка ничего не заметила.

Днём я тайком взглядывал на пароходик. Повела бабушка меня гулять. Я боялся, что за это время человечки утянут леденец и я их не поймаю. Я дорогой нюнил нарочно, что мне холодно, и вернулись мы скоро. Я глянул первым делом на пароходик! Леденец как был — на месте. Ну да! Дураки они днём братья за такое дело!

Ночью, когда бабушка заснула, я устроился в домике из одеяла и стал глядеть. На этот раз ночник горел замечательно, и леденец блестел, как льдинка на солнце, острым огоньком. Я глядел, глядел на этот огонёк и заснул, как назло! Человечки меня перехитрили. Я утром глянул — леденца не было, а встал я раньше всех, в одной рубашке бегал глядеть. Потом со стула глядел — топорика, конечно, не было. Да чего же им было бросать: работали не спеша, без помехи, и даже крошечки ни одной нигде не валялось — всё подобрали.

Другой раз я положил хлеб. Я ночью даже слышал какую-то возню. Проклятый ночник еле коптел, я ничего не мог рассмотреть. Но наутро хлеба не было. Чуть только крошек осталось. Ну, понятно, им хлеба-то не особенно жалко, не конфеты: там каждая крошка для них леденец.

Я решил, что у них в пароходике с обеих сторон идут лавки. Во всю длину. И они днём там сидят рядком и тихонько шепчутся. Про свои дела. А ночью, когда все-все заснут, тут у них работа.

Я всё время думал о человечках. Я хотел взять тряпочку, вроде маленького коврика, и положить около дверей. Намочить тряпочку чернилами. Они выбегут, не заметят сразу, ножки запачкают и наследят по всему пароходу. Я хоть увижу, какие у них ножки. Может быть, некоторые босиком, чтобы тише ступать. Да нет, они страшно хитрые и только смеяться будут над всеми моими штуками.

Я не мог больше терпеть.

И вот — я решил непременно взять пароходик и посмотреть и поймать человечков. Хоть одного. Надо только устроить так, чтобы остаться одному дома. Бабушка всюду меня с собой таскала, во все гости. Всё к каким-то старухам. Сиди — и ничего нельзя трогать. Можно только кошку гладить. И шушукает бабушка с ними полдня.

Вот я вижу — бабушка собирается: стала собирать печенье в коробочку для этих старух — чай там пить. Я побежал в сени, достал мои варежки вязаные и натёр себе и лоб и щёки — всю морду, одним словом. Не жалея. И тихонько прилёг на кровать.

Бабушка вдруг хватилась:

— Боря, Борюшка, где ж ты? — Я молчу и глаза закрыл. Бабушка ко мне:

— Что это ты лёг?

— Голова болит.

Она тронула лоб.

— Погляди-ка на меня! Сиди дома. Назад пойду — малины возьму в аптеке. Скоро вернусь. Долго сидеть не буду. А ты раздевайся-ка и ложись. Ложись, ложись без разговору.

Стала помогать мне, уложила, увернула одеялом и всё приговаривала: «Я сейчас вернусь, живым духом».

Бабушка заперла меня на ключ. Я выждал пять минут: а вдруг вернётся? Вдруг забыла там что-нибудь?

А потом я вскочил с постели как был, в рубахе. Я вскочил на стол, взял с полки пароходик. Сразу руками понял, что он железный, совсем настоящий. Я прижал его к уху и стал слушать: не шевелятся ли? Но они, конечно, примолкли. Поняли, что я схватил ихний пароход. Ага! Сидите там на лавочке и примолкли, как мыши.

Я слез со стола и стал трясти пароходик. Они стряхнутся, не усидят на лавках, и я услышу, как они там болтаются.

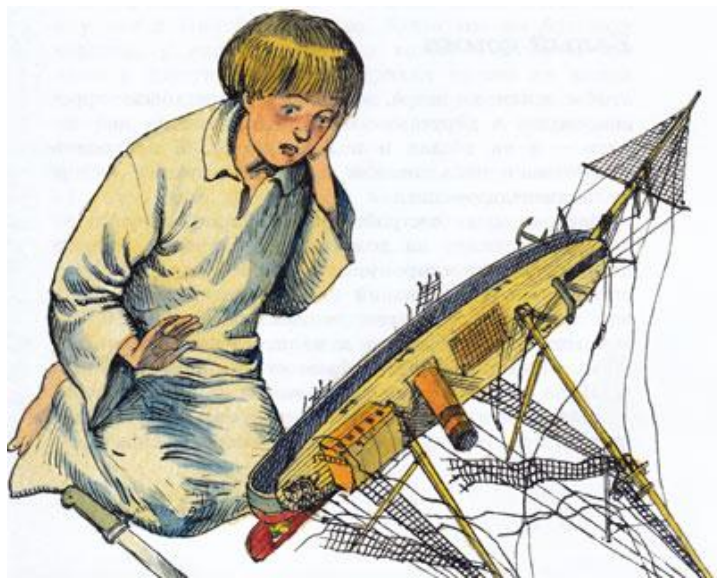
Но внутри было тихо.

Я понял: они сидят на лавках, ноги поджали и руками что есть сил уцепились в сиденья. Сидят как приклеенные.

Ага! Так погодите же. Я подковырну и приподниму палубу. И вас всех там накрою. Я стал доставать из буфета столовый нож, но глаз не спускал с пароходика, чтоб не выскочили человечки. Я стал подковыривать палубу. Ух, как плотно всё заделано. Наконец удалось немножко подсунуть нож. Но мачты поднимались вместе с палубой. А мачтам не давали подниматься эти верёвочные лесенки, что шли от мачт к бортам. Их надо было отрезать — иначе никак. Я на миг остановился. Всего только на миг. Но сейчас же торопливой рукой стал резать эти лесенки. Пилил их тупым ножом. Готово, все они повисли, мачты свободны. Я стал ножом приподнимать палубу. Я боялся сразу дать большую щель. Они бросятся все сразу и разбегутся. Я оставил щёлку, чтобы пролезть одному. Он ползет, а я его — хлоп! — и захопну, как жука в ладони. Я ждал и держал руку наготове — схватить.

Не лезет ни один! Я тогда решил сразу отвернуть палубу и туда в серёдку рукой — прихлопнуть. Хоть один да попадётся. Только надо сразу: они уж там небось приготовились — откроешь, а человечки прыск все в стороны.

Я быстро откинул палубу и прихлопнул внутрь рукой. Ничего. Совсем, совсем ничего! Даже скамеек этих не было. Голые борта. Как в кастрюльке. Я поднял руку. И под рукой, конечно, ничего. У меня руки дрожали, когда я прилаживал назад палубу. Всё криво становилась. И лесенки никак не приделать. Они болтались как попало. Я кой-как приткнул палубу на место и поставил пароходик на полку. Теперь всё пропало!

Я скорей бросился в кровать, завернулся с головой.

Слышу ключ в дверях.

— Бабушка! — под одеялом шептал я. — Бабушка, миленькая, родненькая, чего я наделал-то!

А бабушка стояла уж надо мной и по голове гладила:

— Да чего ты ревьешь, да плачешь-то чего? Родной ты мой, Борюшка! Видишь, как я скоро?

Она ещё не видала пароходика.

Яков Аким

Моя родня

Мама с папой — моя родня.
Нет роднее родни у меня.

И сестрёнка родня, и братишка,
И щенок лопоухий Тишка.

Я родных своих очень люблю.
Скоро всем подарки куплю.

Папе будет моторная лодка,
Маме в кухню волшебная щётка

Молоток настоящий братишке,
Мяч сестрёнке, конфета Тишке.

А ещё есть друг у меня.
Друг Серёжка мне тоже родня.

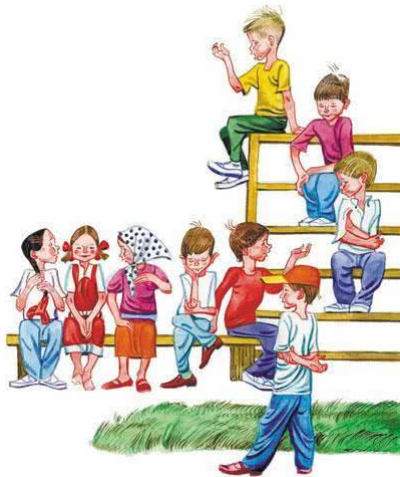
Я к нему прибегаю с утра
Без него мне игра не игра.

Все секреты ему говорю,
Всё на свете ему пода
рю.

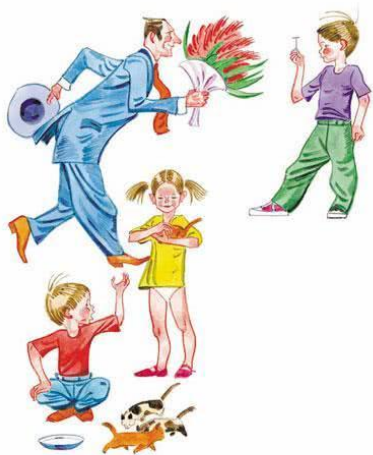

А что у вас? — Сергей Михалков

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.

Дело было вечером,
Делать было нечего.
Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
Тут сказал ребятам Боря
Просто так:
— А у меня в кармане гвоздь.
А у вас?

— А у нас сегодня гость.
А у вас?
— А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.
Котята выросли немножко,
А есть из блюда не хотят.

– А у нас на кухне газ.
А у вас?
– А у нас водопровод.
Вот.
– А из нашего окна
Площадь Красная видна.
А из вашего окошка
Только улица немножко.

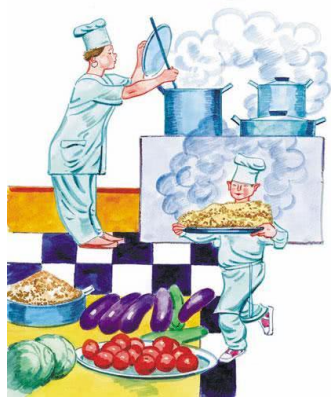
– Мы гуляли по Неглинной,
Заходили на бульвар,
Нам купили синий-синий,
Презелёный красный шар.
– А у нас огонь погас —
Это раз.
Грузовик привёз дрова —
Это два.

А в-четвёртых, наша мама
Отправляется в полёт,
Потому что наша мама
Называется пилот.
С лесенки ответил Вова:
– Мама – лётчик?
Что ж такого!

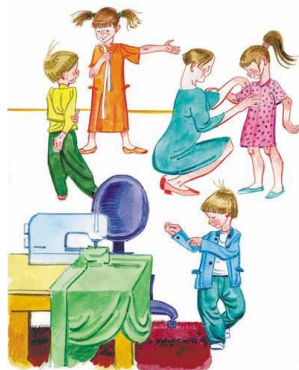
Вот у Коли, например,
Мама – милиционер.
А у Толи и у Веры
Обе мамы – инженеры.

А у Лёвы мама – повар.
Мама – лётчик?
Что ж такого!

– Всех важней, – сказала Ната, —
Мама вагоновожатый,
Потому что до Зацепы
Водит мама два прицепа.
И спросила Нина тихо:
– Разве плохо быть портнихой?
Кто трусы ребятам шьёт?
Ну конечно, не пилот.

Лётчик водит самолёты —
Это очень хорошо.
Повар делает компоты —
Это тоже хорошо.
Доктор лечит нас от кори,
Есть учительница в школе.

Мамы разные нужны.
Мамы всякие важны.
Дело было вечером,
Спорить было нечего.

Никита Кожемяка — русская народная сказка

Сказка о невиданном силаче Никите Кожемяке, который своей силою и хитростью победил страшного змея и спас царевну... (в пересказе К.Д.Ушинского)

В старые годы появился недалеко от Киева страшный змей. Много народа из Киева змей потаскал в свою берлогу, потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел ее, а крепко-накрепко запер в своей берлоге.

Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записочку к отцу, к матери, привяжет записочку собачонке на шею и пошлет ее домой. Собачонка записочку отнесет и ответ принесет.

Вот раз царь и царица пишут царевне: узнай-де от змея, кто его сильней.

Стала царевна от змея допытываться и допыталась.

— Есть, — говорит змей, — в Киеве Никита Кожемяка — тот меня сильней.

Как ушел змей на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: есть-де в Киеве Никита Кожемяка, он один сильнее змея. Пошлите Никиту меня из неволи выручить.

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошел его просить выручить их дочку из тяжелой неволи. В ту пору мьял Кожемяка разом двенадцать воловьих кож. Как увидел Никита царя — испугался: руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и, сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручить царевну, не пошел.

Вот и придумал царь с царицей собрать пять тысяч малолетних сирот — осиротил их лютей змей, — и послали их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды.

Сжалился Кожемяка на сиротские слезы, сам прослезился. Взял он триста пудов пеньки, насолил ее смолою, весь пенькою обмотался и пошел.

Подходит Никита к змеиной берлоге, а змей заперся, бревнами завалился и к нему не выходит.

— Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу! — сказал Кожемяка и стал уже бревна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться, вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они бились, только Никита повалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить Никиту:

— Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобой никого на свете нет. Разделим весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я — в другой.

— Хорошо, — сказал Никита. — Надо же прежде между проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в нее змея и стал от Киева межу прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда в две сажени с четвертью. Провел Никита борозду от Киева до самого Черного моря и говорит змею:

— Землю мы разделили — теперь давай море делить, чтобы о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить — вогнал Никита змея в Черное море, да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна; стоит она валом сажени на две высотой. Кругом мужички пашут, а борозды не распахивают: оставляют ее на память о Никите Кожемяке.

(Илл. Л.Владимирского, изд. Советская Россия, 1990 г.)

Огурцы – Николай Носов

Огурцы - рассказ Николая Носова, с которым важно познакомить ребят младшего и среднего возраста. В нем описывается, как два друга, Котька и Павлик, идут с рыбалки и набирают огурцов на общественном поле. Их замечает сторож, однако мальчики успели убежать. Котька приносит домой добычу и сообщает маме, откуда они взялись. Что скажет ему на это мама, и чем закончится вечер Котьки, узнайте из произведения. Рассказ говорит о том, что брать чужие вещи неправильно, а за свои ошибки нужно отвечать и впредь не поддаваться на уговоры совершить дурной поступок.

Время чтения: 5 мин.

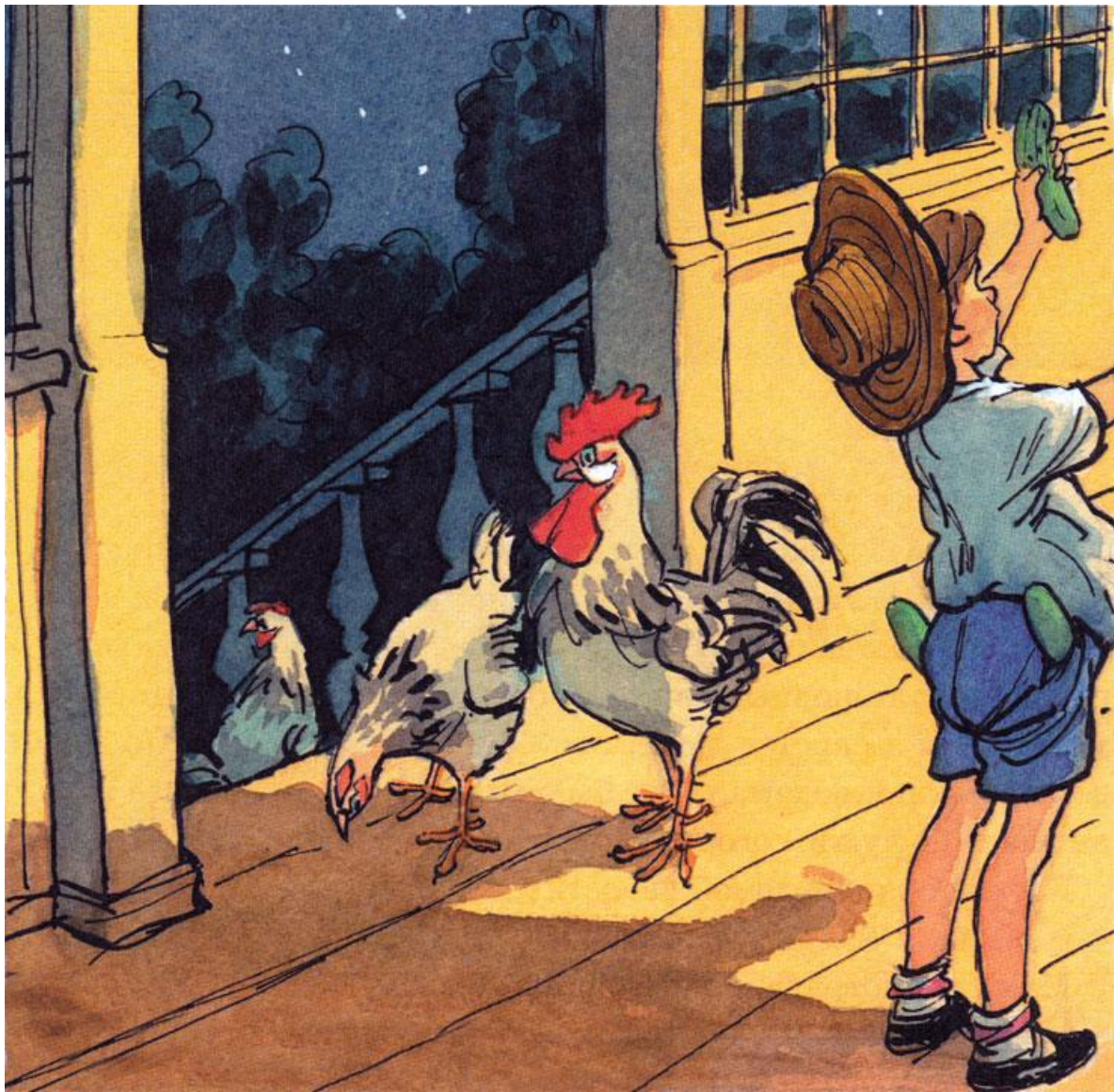
Один раз Павлик взял с собой Котьку на реку ловить рыбу. Но в этот день им не повезло: рыба совсем не клевала. Зато когда шли обратно, они забрались в колхозный огород и набрали полные карманы огурцов.

Колхозный сторож заметил их и засвистел в свисток. Они от него бежать. По дороге домой Павлик подумал, как бы ему дома не досталось за то, что он лазит по чужим огородам. И он отдал свои огурцы Котьке.

Котька пришел домой радостный:

— Мама, я тебе огурцов принес!

Мама посмотрела, а у него полные карманы огурцов, и за пазухой огурцы лежат, и в руках еще два больших огурца.

— Где ты их взял? — говорит мама.

— На огороде.

— На каком огороде?

— Там, у реки, на колхозном.

— Кто ж тебе позволил?

— Никто, я сам нарвал.

— Значит, украл?

— Нет, не украл, а так просто... Павлик брал, а мне нельзя, что ли? Ну, и я взял.

Котька начал вынимать огурцы из карманов.

— Постой, постой! Не выгружай! — говорит мама,

— Почему?

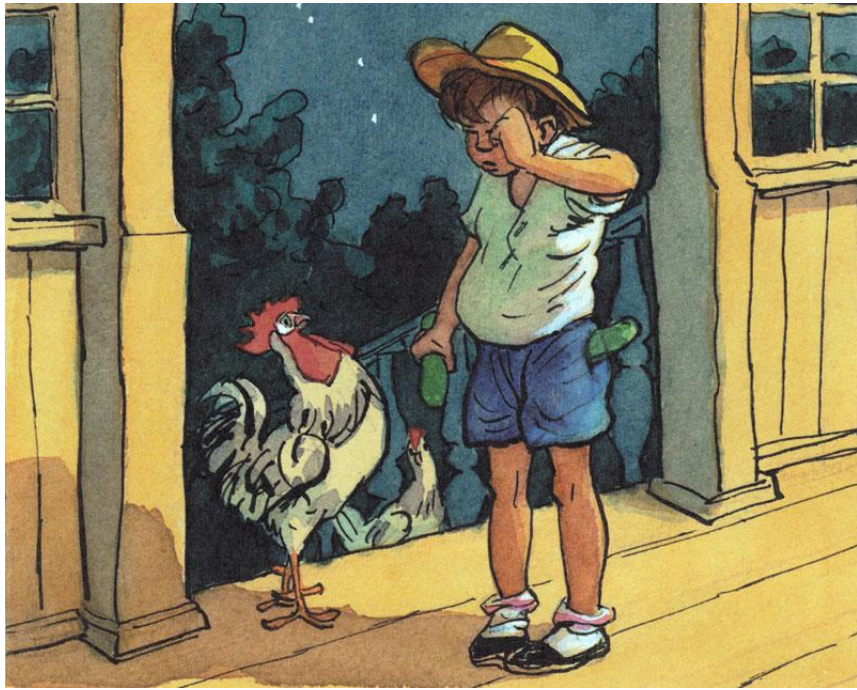
— Сейчас же неси их обратно!

— Куда ж я их понесу? Они на грядке росли, а я сорвал. Все равно они теперь уже расти не будут.

— Ничего, отнесешь и положишь на той же грядке, где сорвал.

— Ну, я их выброшу.

— Нет, не выбросишь! Ты их не сажал, не растил, не имеешь права и выбрасывать.

Котька стал плакать:

— Там сторож. Он нам свистел, а мы убежали.

— Вот видишь, что делаете! А если б он поймал вас?

— Он не догнал бы. Он уже старенький дедушка.

— Ну как тебе не стыдно! — говорит мама. — Ведь дедушка за эти огурцы отвечает. Узнают, что огурцы пропали, скажут, что дедушка виноват. Хорошо будет?

Мама стала совать огурцы обратно Котьке в карман. Котька плакал и кричал:

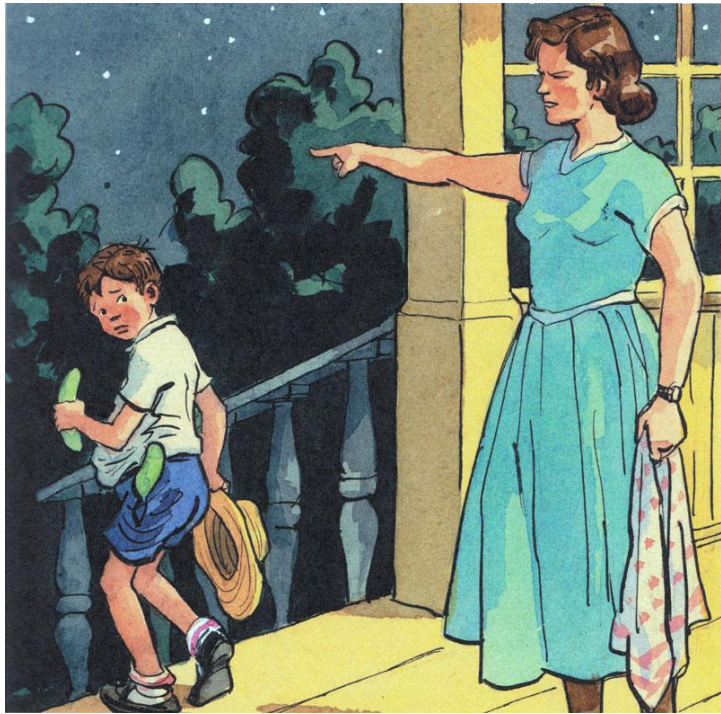
— Не пойду я! У дедушки ружье. Он выстрелит и убьет меня.

— И пусть убьет! Пусть лучше у меня совсем не будет сына, чем будет сын вор.

— Ну, пойдем со мной, мамочка! На дворе темно. Я боюсь.

— А брать не боялся?

Мама дала Котьке в руки два огурца, которые не поместились в карманах, и вывела его за дверь.

— Или носи огурцы, или совсем уходи из дому, ты мне не сын!

Котька повернулся и медленно-медленно пошел по улице.

Уже было совсем темно.

«Брошу их тут, в канаву, а скажу, что отнес, — решил Котька и стал оглядываться вокруг. — Нет, отнесу: еще кто-нибудь увидит и дедушке из-за меня попадет».

Он шел по улице и плакал. Ему было страшно.

«Павлику хорошо! — думал Котька. — Он мне свои огурцы отдал, а сам дома сидит. Ему, небось, не страшно».

Вышел Котька из деревни и пошел полем. Вокруг не было ни души. От страха он не помнил, как добрался до огорода. Остановился возле шалаша, стоит и плачет все громче и громче.

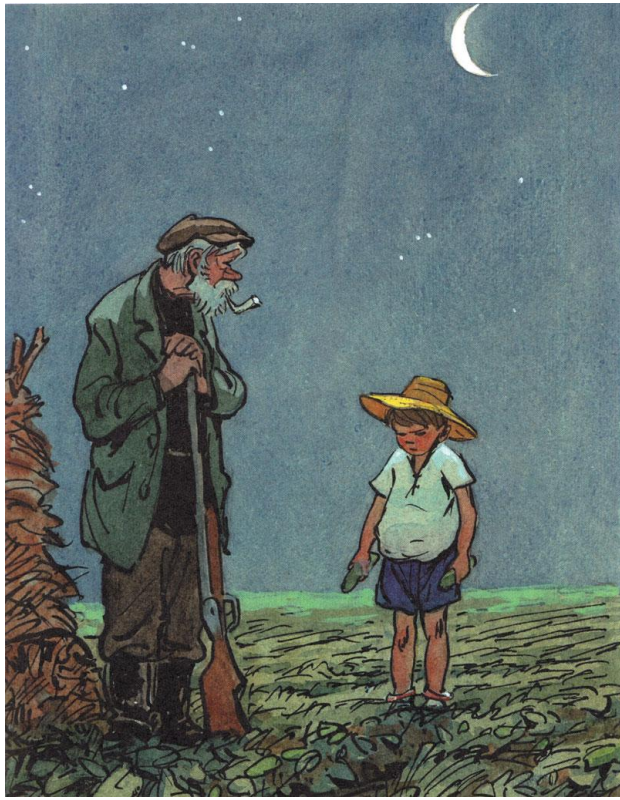
Сторож услышал и подошел к нему.

— Ты чего плачешь? — спрашивает.

— Дедушка, я принес огурцы обратно.

— Какие огурцы?

— А которые мы с Павликом нарвали. Мама сказала, чтоб я отнес обратно.

— Вот оно какое дело! — удивился сторож. — Это, значит, я вам свистел, а вы все-таки огурцы-то стащили. Нехорошо!

— Павлик брал, и я взял. Он мне и свои огурцы отдал.

— А ты на Павлика не смотри, сам понимать должен. Ну, больше не делай так. Давай огурцы и иди домой.

Котька вытащил огурцы и положил их на грядку.

— Ну, все, что ли? — спросил старик.

— Нет... одного не хватает, — ответил Котька и снова заплакал.

— Почему не хватает, где же он?

— Дедушка, я один огурец съел. Что теперь будет?

— Ну что ж будет? Ничего не будет. Съел, ну и съел. На здоровье.

— А вам, дедушка, ничего не будет за то, что огурец пропал?

— Ишь ты какое дело! — усмехнулся дедушка. — Нет, за один огурец ничего не будет. Вот если б ты не принес остальных, тогда да, а так нет.

Котька побежал домой.

Потом вдруг остановился и закричал издали:

— Дедушка, дедушка!

— Ну что еще?

— А этот вот огурец, что я съел, как будет считаться — украл я его или нет?

— Гм! — сказал дед. — Вот еще какая задача! Ну чего там, пусть не украл.

— А как же?

— Ну, считай, что я тебе подарил его.

— Спасибо, дедушка! Я пойду.

— Иди, иди, сынок.

Котька во весь дух помчался по полю, через овраг, по мостику через ручей и, уже не спеша, пошел по деревне домой. На душе у него было радостно.

Косточка — Толстой Л.Н.

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел.

Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит:

— А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?

Все сказали:

— Нет.

Ваня покраснел, как рак, и сказал тоже:

— Нет, я не ел.

Тогда отец сказал:

— Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрёт. Я этого боюсь.

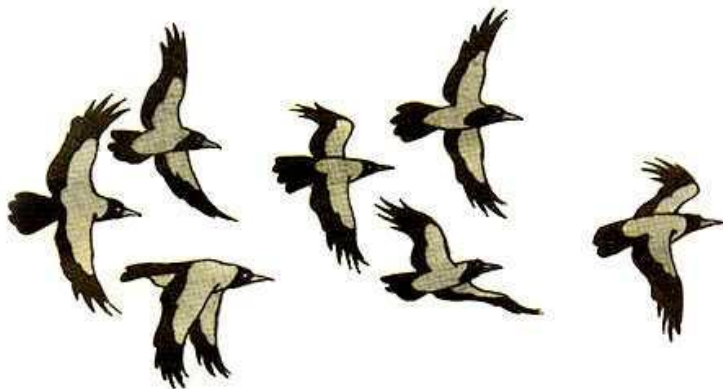
Ваня побледнел и сказал:

— Нет, я косточку бросил за окошко.

И все засмеялись, а Ваня заплакал.

Цветик семицветик — Катаев В.П.

Жила девочка Женя. Однажды послала её мама в магазин за баранками. Купила Женя семь баранок: две баранки с тмином для папы, две баранки с маком для мамы, две баранки с сахаром для себя и одну маленькую розовую баранку для братика Павлика.

Взяла Женя связку баранок и отправилась домой. Идет, по сторонам зевает, вывески читает, ворон считает. А сзади тем временем сзади пристала незнакомая собака, да все баранки одну за другой и съела. Сначала съела папины с тмином, потом мамины с маком, потом Женины с сахаром. Почувствовала Женя, что баранки стали что-то чересчур легкие. Обернулась, да уж поздно. Мочалка болтается пустая, а собака последнюю, розовую Павликову бараночку доедает, и счастливо облизывается.

— Ах, вредная собака! — закричала Женя и бросилась ее догонять. Бежала, бежала, собаку не догнала, только сама заблудилась. Видит — место совсем незнакомое, больших домов нет, а стоят маленькие домики. Испугалась Женя и заплакала. Вдруг откуда ни возьмись — старушка.
— Девочка, девочка, почему ты плачешь?
Женя старушке все и рассказала.
Пожалела старушка Женю, привела ее в свой садик и говорит:

— Ничего, не плачь, я тебе помогу. Правда, баранок у меня нет и денег тоже нет, но зато растет у меня в садике один цветок, называется — цветик-семицветик, он все может. Ты, я знаю, девочка хорошая, хоть и любишь зевать по сторонам. Я тебе подарю цветик-семицветик, он все устроит.

С этими словами старушка сорвала с грядки и подала девочке Жене очень красивый цветок вроде ромашки. У него было семь прозрачных лепестков, каждый другого цвета: желтый, красный, зеленый, синий, оранжевый, фиолетовый и голубой.

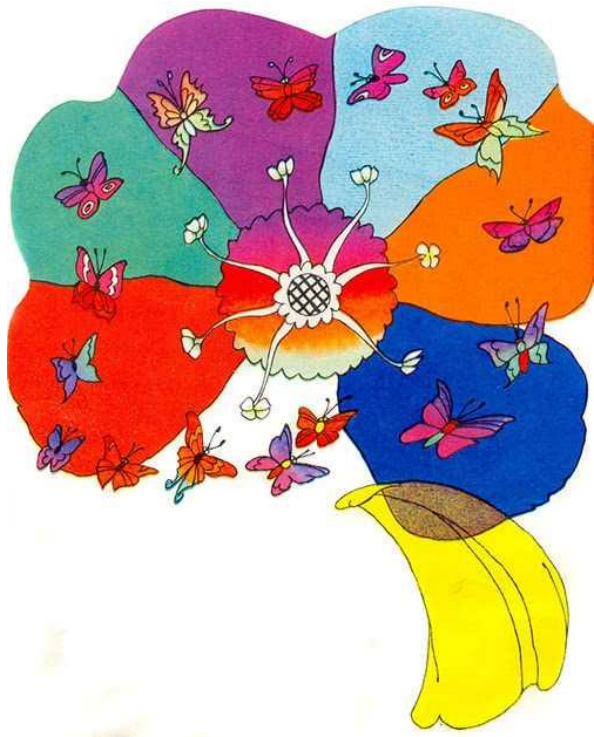
— Этот цветок, — сказала старушка, — не простой. Он может исполнить все, что ты захочешь. Для этого надо только оторвать один из лепестков, бросить его и сказать:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы сделалось то-то или то-то. И это тотчас делается.

Женя вежливо поблагодарила старушку, вышла за калитку и тут только вспомнила, что не знает дороги домой. Она захотела вернуться в садик и попросить старушку, чтобы та проводила ее до ближнего милиционера, но ни садика, ни старушки как не бывало.

Что делать? Женя уже собиралась по своему обыкновению заплакать, даже нос наморщила, как гармошку, да вдруг вспомнила про заветный цветок.

— А ну-ка, посмотрим, что это за цветик-семицветик!

Женя поскорее оторвала желтый лепесток, кинула его и сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я была дома с баранками! Не успела она это сказать, как в тот же миг очутилась дома, а в руках — связка баранок!

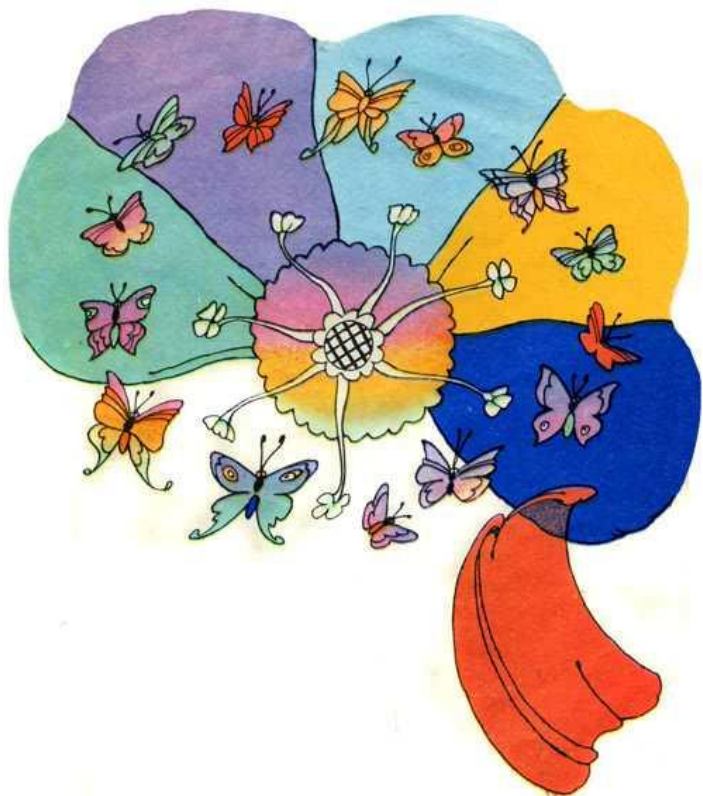
Женя отдала маме баранки, а сама про себя думает: «Это и вправду замечательный цветок, его непременно надо поставить в самую красивую вазочку!»

Женя была совсем небольшая девочка, поэтому она влезла на стул и потянулась за любимой маминой вазочкой, которая стояла на самой верхней полке. В это время, как на грех, за окном пролетали вороны. Жене, понятно, тотчас захотелось узнать совершенно точно, сколько ворон — семь или восемь. Она открыла рот и стала считать, загибая пальцы, а вазочка полетела вниз и — бац! — раскололась на мелкие кусочки.

— Ты опять что-то разбила! — закричала мама из кухни. — Не мою ли самую любимую вазочку? Тяпа-растяпа!

— Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила. Это тебе послышалось! — закричала Женя, а сама поскорее оторвала красный лепесток, бросила его и прошептала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтобы мамина любимая вазочка сделалась целая! Не успела она это сказать, как черепки сами собой поползли друг к другу и стали срастаться. Мама прибежала из кухни — глядь, а ее любимая вазочка как ни в чем не бывало стоит на своем месте. Мама на всякий случай погрозила Жене пальцем и послала ее гулять во двор.

Пришла Женя во двор, а там мальчики играют в папанинцев: сидят на старых досках, и в песок воткнута палка.

— Мальчики, мальчики, примите меня поиграть!

- Чего захотела! Не видишь — это Северный полюс? Мы девчонок на Северный полюс не берем.
- Какой же это Северный полюс, когда это одни доски?
- Не доски, а льдины. Уходи, не мешай! У нас как раз сильное сжатие.
- Значит, не принимаете?
- Не принимаем. Уходи!

— И не нужно. Я и без вас на Северном полюсе сейчас буду. Только не на таком, как ваш, а на всамделишном. А вам — кошкин хвост!

Женя отошла в сторонку, под ворота, достала заветный цветик-семицветик, оторвала синий лепесток, кинула и сказала:

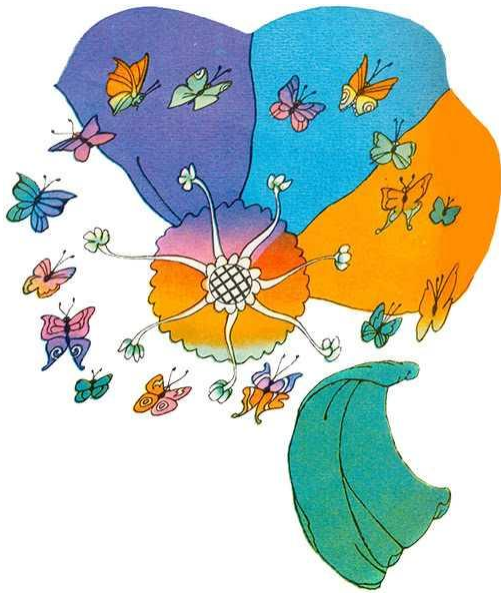
Лети, лети, лепесток,
 Через запад на восток,
 Через север, через юг,
 Возвращайся, сделав круг.
 Лишь коснешься ты земли —
 Быть по-моему вели.

Вели, чтобы я сейчас же была на Северном полюсе! Не успела она это сказать, как вдруг откуда ни возьмись налетел вихрь, солнце пропало, сделалась страшная ночь, земля закружилась под ногами, как волчок. Женя, как была в летнем платье с голыми ногами, одна-одинешенька оказалась на Северном полюсе, а мороз там сто градусов!

— Ай, мамочка, замерзаю! — закричала Женя и стала плакать, но слезы тут же превратились в сосульки и повисли на носу, как на водосточной трубе. А тем временем из-за льдины вышли семь белых медведей и прямехонько к девочке, один другого страшней: первый — нервный, второй — злой, третий — в берете, четвертый — потертый, пятый — помятый, шестой — рябой, седьмой — самый большой.

Не помня себя от страха, Женя схватила обледеневшими пальчиками цветик-семицветик, вырвала зеленый лепесток, кинула и закричала что есть мочи:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтоб я сейчас же очутилась опять на нашем дворе! И в тот же миг она очутилась опять во дворе. А мальчишки на нее смотрят и смеются:

- Ну и где же твой Северный полюс?
- Я там была.
- Мы не видели. Докажи!
- Смотрите — у меня еще висит сосулька.
- Это не сосулька, а кошкин хвост! Что, взяла?

Женя обиделась и решила больше с мальчишками не водиться, а пошла на другой двор водиться с девочками. Пришла, видит — у девочек разные игрушки. У кого коляска, у кого мячик, у кого прыгалка, у кого трехколесный велосипед, а у одной — большая говорящая кукла в кукольной соломенной шляпке и в кукольных калошках. Взяла Женю досада. Даже глаза от зависти стали желтые, как у козы.

«Ну, — думает, — я вам сейчас покажу, у кого игрушки!»

Вокруг, представляете себе, какой шум могут поднять пять миллионов говорящих кукол? А их было никак не меньше. И то это были только московские куклы. А куклы из Ленинграда, Харькова, Киева, Львова и других советских городов еще не успели добежать и галдели, как попугаи, по всем дорогам Советского Союза. Женя даже слегка испугалась. Но это было только начало.

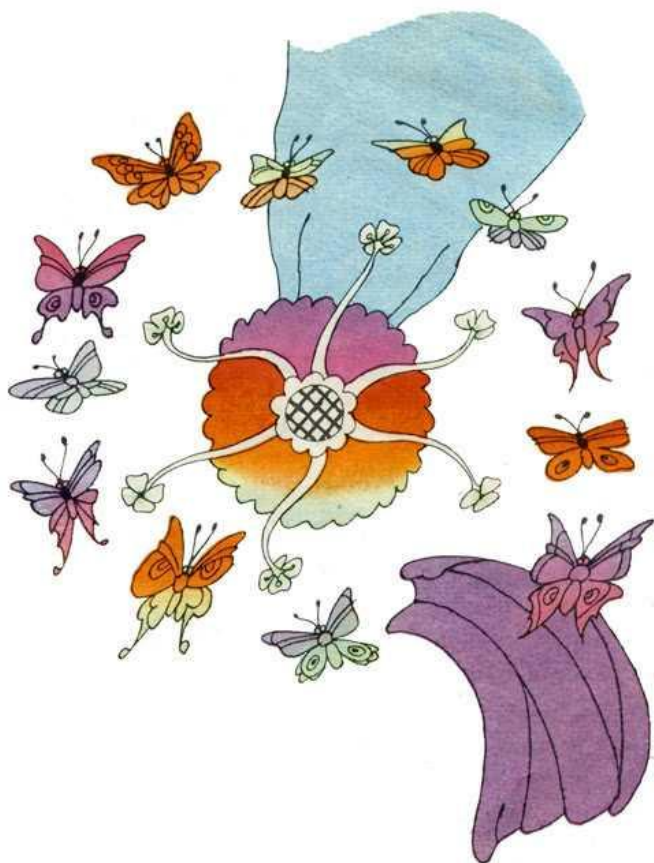
За куклами сами собой покатались мячики, шарики, самокаты, трехколесные велосипеды, тракторы, автомобили, танки, танкетки, пушки. Прыгалки ползли по земле, как ужи, путаясь под ногами и заставляя нервных кукол пищать еще громче. По воздуху летели миллионы игрушечных самолетов, дирижаблей, планеров. С неба, как тюльпаны, сыпались ватные парашютисты, повисая на телефонных проводах и деревьях.

Движение в городе остановилось. Поставые милиционеры влезли на фонари и не знали, что им делать.

— Довольно, довольно! — в ужасе закричала Женя, хватаясь за голову.

— Будет! Что вы, что вы! Мне совсем не надо столько игрушек. Я пошутила. Я боюсь...

Но не тут-то было! Игрушки все валили и валили... Уже весь город был завален до самых крыш игрушками. Женя по лестнице — игрушки за ней. Женя на балкон — игрушки за ней. Женя на чердак — игрушки за ней. Женя выскочила на крышу, поскорее оторвала фиолетовый лепесток, кинула и быстро сказала:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

Вели, чтоб игрушки поскорей убирались обратно в магазины. И тотчас все игрушки исчезли. Посмотрела Женя на свой цветик-семицветик и видит, что остался всего один лепесток.

— Вот так штука! Шесть лепестков, оказывается, потратила — и никакого удовольствия. Ну, ничего. Вперед буду умнее. Пошла она на улицу, идет и думает:

«Чего бы мне еще все-таки велеть? Велю- ка я себе, пожалуй, два кило «мишек». Нет, лучше два кило «прозрачных». Или нет... Лучше сделаю так: велю полкило «мишек», полкило «прозрачных», сто граммов халвы, сто граммов орехов и еще, куда ни шло, одну розовую баранку для Павлика. А что толку? Ну, допустим, все это я велю и съем. И ничего не останется. Нет, велю я себе лучше трехколесный велосипед. Хотя зачем? Ну, покатаюсь, а потом что? Еще, чего доброго, мальчишки отнимут. Пожалуй, и поколотят! Нет. Лучше я себе велю билет в кино или в цирк. Там все-таки весело. А может быть, велеть лучше новые сандалеты? Тоже не хуже цирка. Хотя, по правде сказать, какой толк в новых сандалетах? Можно велеть чего-нибудь еще гораздо лучше. Главное, не надо торопиться».

Рассуждая таким образом, Женя вдруг увидела превосходного мальчика, который сидел на лавочке у ворот. У него были большие синие глаза, веселые, но смирные. Мальчик был очень симпатичный — сразу видно, что не драчун, и Жене захотелось с ним познакомиться. Девочка без всякого страха подошла к нему так близко, что в каждом его зрачке очень ясно увидела свое лицо с двумя косичками, разложенными по плечам.

— Мальчик, мальчик, как тебя зовут?

— Витя. А тебя как?

— Женя. Давай играть в салки?

— Не могу. Я хромой.

И Женя увидела его ногу в уродливом башмаке на очень толстой подошве.

— Как жалко! — сказала Женя. — Ты мне очень понравился, и я бы с большим удовольствием побегала с тобой.

— Ты мне тоже очень нравишься, и я бы тоже с большим удовольствием побегал с тобой, но, к сожалению, это невозможно. Ничего не поделаешь. Это на всю жизнь.

— Ах, какие пустяки ты говоришь, мальчик! — воскликнула Женя и вынула из кармана свой заветный цветик-семицветик. — Гляди!

С этими словами девочка бережно оторвала последний, голубой лепесток, на минутку прижала его к глазам, затем разжала пальцы и запела тонким голосом, дрожащим от счастья:

Лети, лети, лепесток,
Через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснешься ты земли —
Быть по-моему вели.

И в ту же минуту мальчик вскочил со скамьи, стал играть с Женей в салки и бегал так хорошо, что девочка не могла его догнать, как ни старалась.

(Илл. Э.Булатова, О.Васильева)

Слоненок — Редьярд Киплинг

Это только теперь, милый мой мальчик, у Слона есть хобот. А прежде, давно, давно, никакого хобота не было у Слона. Был только нос, вроде как лепёшка, чёрненький и величиною с башмак. Этот нос болтался во все стороны, но всё же никуда не годился: разве можно таким носом поднять что-нибудь с земли?

Но вот в то самое время, давно, давно, жил один такой Слон. — или лучше сказать: Слонёнок, который был страшно любопытен, и кого, бывало, ни увидит, ко всем пристаёт с расспросами. Жил он в Африке, и ко всей Африке приставал он с расспросами.

Он приставал к Страусихе, своей долговязой тётке, и спрашивал её, отчего у неё на хвосте перья растут так, а не иначе, и долговязая тётка Страусиха давала ему за это тумака своей твёрдой-претвёрдой ногой.

Он приставал к своему длинноногому дядьке Жирафу и спрашивал его, почему у него на шкуре пятна, и длинноногий дядюшка Жираф давал ему за это тумака своим твёрдым-претвёрдым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И он спрашивал свою толстую тётку Бегемотиху, отчего у неё такие красные глаза, и толстая тётка Бегемотиха давала ему за это тумака своим толстым-претолстым копытом.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Он спрашивал своего волосатого дядьку Павиана, почему все дыни такие сладкие, и волосатый дядька Павиан давал ему за это тумака своей мохнатой, волосатой лапой.

Но и это не отбивало у него любопытства.

Что бы он ни увидел, что бы ни услышал, что бы ни понюхал, до чего бы ни дотронулся — он тотчас же спрашивал обо всём и тотчас же получал за это тумака от всех своих дядей и тёток.

Но и это не отбивало у него любопытства.

И случилось так, что в одно прекрасное утро, незадолго до равноденствия, этот самый Слонёнок — надоеда и приставала — спросил об одной такой вещи, о которой ещё никто никогда не спрашивал. Он спросил:

— Что кушает за обедом Крокодил?

Все закричали на него:

— Тс-с-с-с!

И тотчас же, без дальних слов, принялись награждать его тумаками. Били его долго, без передышки, но когда кончили бить, он сейчас же подбежал к терновнику и сказал птичке Колоколо:

— Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и все мои тётки колотили меня, и все мои дядьки колотили меня за несносное моё любопытство, и всё же мне страшно хотелось бы знать, что может кушать у себя за обедом Крокодил?

И сказала птичка Колоколо, печально и громко всхлипывая:

— Ступай к широкой реке Лимпопо. Она грязная, мутно-зелёная, и над нею растут ядовитые деревья, которые нагоняют лихорадку. Там ты узнаешь всё.

На следующий день, когда от равноденствия уже ничего не осталось, Слонёнок набрал бананов — целых сто фунтов! — и сахарного тростнику — тоже сто фунтов! — и семнадцать зелёных хрустящих дынь, взвалил всё это на плечи и, пожелав своим милым родственникам счастливо оставаться, отправился в путь.

— Прощайте! — сказал он им. — Я иду к грязной, мутно-зелёной реке Лимпопо; там растут деревья, они нагоняют лихорадку, и я узнаю-таки, что кушает за обедом Крокодил.

И родственники ещё раз воспользовались случаем и хорошенько вздули его на прощанье, хотя он чрезвычайно любезно просил их не беспокоиться.

Это было ему не в диковину, и он ушёл от них, слегка потрёпанный, но не очень удивлённый. Ел по дороге дыни, а норки бросал на землю, так как подбирать эти корки ему было нечем.

Из города Грэма он пошёл в Кимберлей, из Кимберлея в Хамову землю, из Хамовой земли на восток и на север и всю дорогу угощался дынями, покуда, наконец, не пришёл к грязной, мутно-зелёной широкой реке Лимпопо, окружённой как раз такими деревьями, как говорила птичка Колоколо.

А надо тебе знать, мой милый мальчик, что до той самой недели, до того самого дня, до того самого часа, до той самой минуты наш любопытный Слонёнок никогда не видал Крокодила и даже не знал, что это, собственно, такое. Представь же себе его любопытство!

Первое, что бросилось ему в глаза, — был Двухцветный Питон, Скалистый Змей, обвинившийся вокруг утеса. — Простите, пожалуйста! — сказал Слонёнок чрезвычайно учтиво. — Не встречался ли вам где-нибудь поблизости Крокодил? Здесь так легко заблудиться.

— Не встречался ли мне Крокодил? — с сердцем переспросил Змей. — Нашёл о чём спрашивать!

— Простите, пожалуйста! — продолжал Слонёнок. — Не можете ли вы сообщить мне, что кушает Крокодил за обедом?

Тут Двухцветный Питон не мог уже больше удержаться, быстро развернулся и огромным хвостом дал Слононьку тумака. А хвост у него был как молотильный цеп и весь покрыт чешуёю.

— Вот чудеса! — сказал Слононьок.- Мало того, что мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, и мой дядька колотил меня, и моя тётка колотила меня, и другой мой дядька, Павлиан, колотил меня, и другая моя тётка, Бегемотиха, колотила меня, и все как есть колотили меня за ужасное моё любопытство,- здесь, как я вижу, начинается та же история.

И он очень учтиво попрощался с Двухцветным Питоном, помог ему снова обмотаться вокруг скалы и пошёл себе дальше; хотя его порядком потрепали, он не очень дивился этому, а снова взялся за дыни и снова бросал корки на землю, потому что, повторяю, чем бы он стал их поднимать? — и скоро набрёл на какое-то бревно, валявшееся у самого берега грязной, мутно-зелёной реки Лимпопо, окруженной деревьями, нагоняющими лихорадку.

Но на самом деле, мой милый мальчик, это было совсем не бревно — это был Крокодил. И мигнул Крокодил одним глазом — вот так.

— Простите, пожалуйста! — обратился к нему Слононьок чрезвычайно учтиво. — Не случилось ли вам встретить где-нибудь поблизости в этих местах Крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом и высунул наполовину свой хвост из воды. Слононьок (опять-таки очень учтиво!) отступил назад, потому что новые тумаки его вовсе не привлекали.

— Подойди-ка сюда, моя крошка! — сказал Крокодил.- Тебе, собственно, зачем это надобно?

— Простите, пожалуйста! — сказал Слононьок чрезвычайно учтиво.- Мой отец колотил меня, и моя мать колотила меня, моя долговязая тётка Страусиха колотила меня, и мой длинноногий дядька Жираф колотил меня, моя другая тётка, толстая Бегемотиха, колотила меня, и другой мой дядька, мохнатый Павлиан, колотил меня, и Питон Двухцветный, Скалистый Змей вот только что, совсем недавно колотил меня ужасно больно, и теперь — не во гнев будь вам сказано — я не хотел бы, чтобы меня колотили опять.

— Подойди сюда, моя крошка, — сказал Крокодил, — потому что я и есть Крокодил.

В подтверждение своих слов он выкатил из правого глаза большую крокодилову слезу.

Слононьок ужасно обрадовался; у него захватило дух, он упал на колени и крикнул:

— Боже мой! Вас-то мне и нужно! Я столько дней разыскиваю вас! Скажите мне, пожалуйста, поскорее, что вы кушаете за обедом?

— Подойди-ка поближе, малютка, я шепну тебе на ушко.

Слонёнок тотчас преклонил своё ухо к зубастой, клыкастой крокодиловой пасти, и Крокодил схватил его за маленький носик, который до этой самой недели, до этого самого дня, до этого самого часа, до этой самой минуты был нисколько не больше башмака.

— С нынешнего дня,- сказал Крокодил сквозь зубы,- с нынешнего дня я буду кушать молодых слонят.

Слонёнку это страшно не понравилось, и он проговорил через нос:

— Пусдиде бедя, бде очедь больдо! (Пустите меня, мне очень больно).

Тут Двухцветный Питон, Скалистый Змей кинулся со скалы и сказал:

— Если ты, о, мой юный друг, тотчас же не отпрянешь назад, сколько хватит у тебя твоей силы, то моё мнение таково, что не успеешь ты сказать «Отче наш», как вследствие твоего разговора с этим кожаным мешком (так он величал Крокодила) ты попадёшь туда, в ту прозрачную струю...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи всегда изъясняются по-учёному. Слонёнок послушался, сел на задние ноги и стал тянуться назад.

Он тянулся, и тянулся, и тянулся, и нос у него стал вытягиваться. А Крокодил отступил подальше в воду, вспенил и замутил её всю ударами своего хвоста, и тоже тянул, и тянул, и тянул.

И нос у Слонёнка вытягивался, и Слонёнок растопырил все четыре ноги, такие крошечные слоновьи ножки, и тянулся, и тянулся, и тянулся, и нос у него всё вытягивался. И Крокодил бил хвостом, как веслом, и тянул, и тянул, и чем больше он тянул, тем длиннее вытягивался у Слонёнка нос, и больно было этому носу у-ж-ж-жа-сно!

И вдруг Слонёнок почувствовал, что ножки его заскользили по земле, и он вскрикнул через нос, который сделался у него чуть не в пять футов длиною:

— Осадавде! Довольдо! Осадавде!

Услышав это, Двухцветный Питон, Скалистый Змей бросился вниз со скалы, обмотался двойным узлом вокруг задней ноги Слонёнка и сказал своим торжественным голосом:

— О, неопытный и легкомысленный путник! Мы должны понатужиться сколько возможно, ибо мнение моё таково, что этот живой броненосец с бронированной палубой (так величал он Крокодила) хочет испортить твою будущую карьеру...

Двухцветные Питоны, Скалистые Змеи всегда выражаются так. И вот тянет Змей, тянет Слонёнок, но тянет и Крокодил.

Тянет, тянет, но так как Слонёнок и Двухцветный Питон, Скалистый Змей тянут сильнее, то Крокодил, в конце концов, должен выпустить нос Слонёнка,- он отлетает назад с таким плеском, что слышно по всей Лимпопо.

А Слонёнок как стоял, так и сел с размаху и очень больно ударился, но всё же успел сказать Двухцветному Питону, Скалистому Змею спасибо, хотя, право, ему было не до того: надо было поскорее заняться вытянутым носом — обернуть его мокрыми листьями бананов и опустить в холодную мутно-зелёную воду реки Лимпопо, чтобы он хоть немного остыл.

— К чему тебе это? — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Простите, пожалуйста,- сказал Слонёнок,- нос у меня потерял прежний вид, и я жду, чтобы он опять стал коротеньким.

— Долго же тебе придётся ждать, — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — То есть удивительно, до чего иные не понимают своей собственной выгоды!

Слонёнок простоял над водой три дня и три ночи и всё поджидал, не уменьшится ли у него нос. Но нос не уменьшался и — мало того — из-за этого носа глаза у Слонёнка стали немного косыми.

Потому что, мой милый мальчик, ты, надеюсь, уже догадался, что Крокодил вытянул Слонёнку нос в самый заправдашный хобот — точь- в-точь такой, какие бывают у нынешних Слонов.

К концу третьего дня прилетела какая-то муха и ужалила Слонёнка в плечо, и он, сам не замечая, что делает, приподнял хобот, хлопнул хоботом муху — и та повалилась замертво.

— Вот тебе и первая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Ну, рассуди сам: мог бы ты сделать что-нибудь такое своим прежним булавочным носом? Кстати, не хочешь ли закусить?

И Слонёнок, сам не зная, как у него это вышло, потянулся хоботом к земле и сорвал добрый пучок травы, отряхнул от него глину о передние ноги и тотчас же сунул себе в рот.

— Вот тебе и вторая выгода! — сказал Двухцветный Питон, Скалистый Змей. — Попробовал бы ты проделать это своим прежним носом! Кстати, заметил ли ты, что солнце стало слишком припекать?

— Пожалуй, что и так! — сказал Слонёнок. — И сам не зная, как у него это вышло, зачерпнул своим хоботом из грязной, мутно-зелёной реки Лимпопо немного илу и шлёпнул его себе на голову: ил расквасился мокрой лепёшкой, и за уши Слонёнку потекли целые потоки воды.

— Вот тебе третья выгода! — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.- Попробовал бы ты проделать это своим прежним булавочным носом! И кстати, что ты теперь думаешь насчёт тумачков?

— Простите, пожалуйста,- сказал Слононок,- но я, право, не люблю тумачков.

— А вздуть кого-нибудь другого? — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.

— Это я готов! — сказал Слононок.

— Ты ещё не знаешь своего носа! — сказал Двуцветный Питон, Скалистый Змей.- Это просто клад, а не нос.

— Благодарю вас, — сказал Слононок, — я приму это к сведению. А теперь мне пора домой; я пойду к моим милым родственникам и проверю мой нос на моих домашних.

И пошёл Слононок по Африке, забавляясь и помахивая хоботом. Захочется ему плодов — он срывает их прямо с дерева, а не стоит и не поджидает, как прежде, чтобы они свалились на землю.

Захочется ему травки — он рвёт её прямо с земли, а не валится на колени, как бывало до той поры.

Мухи докучают ему — он срывает с дерева ветку и машет ею как веером. Припекает солнце — он сейчас же опустит свой хобот в реку, — и вот на голове у него холодная, мокрая нащёпка. Скучно ему одному шататься без дела по Африке — он играет хоботом песни, и хобот его звонче сотни медных труб.

Он нарочно свернул с дороги, чтобы разыскать Бегемотиху, хорошенько отколотить её и проверить, правду ли сказал ему Двуцветный Питон про его новый нос. Поколотив Бегемотиху, он пошёл по прежней дороге и подбирал с земли те дынные корки, которые разбрасывал по пути к Лимпопо,- потому что был Чистоплотным Толстокожим.

Стало уже темно, когда в один прекрасный вечер он пришел домой к своим милым родственникам. Он свернул хобот в кольцо и сказал:

— Здравствуйте! Как поживаете?

Они страшно обрадовались ему и сейчас же в один голос сказали:

— Поди-ка, поди-ка сюда, мы дадим тебе тумачков за твоё несносное любопытство.

— Эх, вы! — сказал Слононок. — Много вы смыслите в тумачках! Вот я в этом деле понимаю. Хотите, покажу?

И он развернул свой хобот, и тотчас же два его милых братца полетели от него вверх тормашками.

— Клянёмся бананами,- закричали они,- где это ты так наострился и что у тебя с носом?

— Этот нос у меня новый и дал мне его Крокодил — на грязной, мутно-зелёной реке Лимпопо, — сказал

Слононок. — Я завел с ним разговор о том, что он кушает за обедом, и он подарил мне на память новый нос.

— Безобразный нос! — сказал волосатый, мохнатый дядька Павиан. — Пожалуй, — сказал Слононок, — но полезный!

И он схватил волосатую ногу волосатого дядьки Павиана и, раскачав, закинул его в осиное гнездо.

И так разошёлся этот гадкий Слонёнок, что отколотил всех своих милых родственников. Те выпучили на него глаза от изумления. Он выдернул у долговязой тётки Страусихи чуть не все её перья из хвоста; он ухватил длинноногого дядьку Жирафа за заднюю ногу и поволок его по терновым кустам; с гиканьем стал он пускать пузыри прямо в ухо своей толстой тётке Бегемотихе, когда та дремала в воде после обеда, но никому не позволял обижать птичку Колоколо.

Дело дошло до того, что все его родственники — кто раньше, кто позже — отправились к грязной, мутно-зелёной реке Лимпопо, окружённой деревьями, нагоняющими на людей лихорадку, чтобы и им подарил Крокодил по такому же носу.

Вернувшись, родственники уже больше не дрались, и с той поры, мой мальчик, у всех слонов, которых ты когда-нибудь увидишь, да и у тех, которых ты никогда не увидишь, у всех такой самый хобот, как у этого любопытного Слонёнка.

(Перевод К. Чуковского, илл. В. Дувидова, из. Рипол Классик, 2010 г.)

Малыш и Карлсон — Астрид Линдгрен

Эта история произошла на самом деле. Но, конечно же, она случилась далеко от нас с вами – в шведском городе Стокгольме, где живут одни только шведы.

Так ведь всегда бывает: если случится что-то особенное, то обязательно почему-то далеко от тебя...

Малыш был шведом, поэтому-то, кстати говоря, он и жил в Стокгольме. Вообще у Малыша было другое имя, настоящее, но в семье он оказался самым младшим, и все его звали просто Малыш.

Однажды Малыш сидел в своей комнате и грустно думал о том, какой он одинокий.

Потому что у папы, например, была мама. И у мамы, например, был папа. Даже брат с сестрой, когда не ссорились, то всегда гуляли вместе. И только к самого Малыша никого нет.

Сколько раз он просил, чтобы ему купили собаку! И что же? Ровно столько же раз ему отказывали. А нам с вами не нужно объяснять, как одиноко человеку, когда у него нет собаки.

И вот в эту-то минуту Малыш и увидел Карлсона. Сначала он немного растерялся. Всякий растеряется, если прямо в воздухе повиснет перед ним человек, который летает без самолета или даже вертолета, а просто сам по себе.

Повиснет и вдобавок еще скажет:

— Простите, можно здесь приземлиться?

— Садитесь, пожалуйста, — испуганно ответил Малыш.

Но когда человек сказал, что его зовут Карлсон, который живет на крыше, Малыш почему-то совсем перестал бояться. Когда же он ответил Карлсону, что его самого зовут Малыш, то почувствовал, что они совсем уже подружились. И Карлсон, наверное, тоже это почувствовал. Во всяком случае, он предложил: — А теперь давай немного побалуемся.

— Как? – спросил Малыш.

А про себя подумал, что до поры до времени вполне можно потерпеть и без собаки.

— Спокойствие, только спокойствие, — сказал Карлсон. – Сейчас придумаем.

И он начал думать, медленно облетая комнату.

— Теперь понял, кто лучший в мире специалист по баловству? – спросил Карлсон, раскачиваясь на люстре, как на качелях.

— А вдруг она разобьется?!

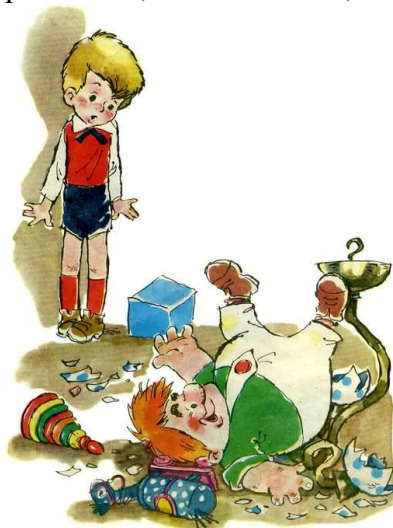
— Слушай, вот будет здорово! Давай попробуем, а?

— Да... А мама?.. И еще папа.

— Пустяки, — сказал Карлсон. – Дело житейское.

И стал раскачиваться изо всех сил...

Малышу очень хотелось, чтобы Карлсон дружил с ним всю жизнь. Поэтому, когда люстра упала и разбилась, он сделал вид, что ни капельки не расстроен.

Он даже сказал:

— Ну что ж, ну и пустяки. Дело житейское.

— Тебе-то, конечно, пустяки, — огрызнулся Карлсон, потирая коленку. – Вот сам бы свалился, тогда бы я на тебя поглядел.

— Тебе больно? – встревожился Малыш.

— Еще бы не больно! Если хочешь знать, то я сейчас самый тяжелый больной в мире. И если уж я расшибся для твоего удовольствия, значит, ты и должен меня лечить...

Так как Карлсон жил на крыше, то добраться к нему домой пришлось, конечно, по воздуху.

Карлсону было нелегко: ведь кроме Малыша, ему пришлось еще нести на себе кучу лекарств. На одной из крыш у Карлсона был очень славный домик, зеленый, с белым крыльцом и звонком, с вывеской: «Звонок к Карлсону, который живет на крыше».

Карлсон сразу же бухнулся в постель.
— Давай лекарство! – крикнул он Малышу.

Малыш протянул ему банку. Ему было очень интересно, поможет ли Карлсону это лекарство.

До сих пор он считал, что лекарство должно быть горьким, но Карлсон заявил, что от ушибов лучше всего помогает варенье. Это было бы здорово...

Сначала казалось, что нет, не поможет. Карлсон выпил варенье прямо из банки, через край, и задумался. Словно прислушивался, что у него происходит внутри.

— Больше варенья нет? – спросил он потом.

— Нет.

— Ни капельки?

Малыш заглянул в банку и сказал:

— Ни капельки.

И только тогда Карлсон воскликнул:

— Ура! Случилось чудо. Я выздоровел.

Малыш с надеждой подумал, что может быть, и ему завтра удастся ушибить коленку.

А Карлсон сказал:

— Теперь я не прочь немного поразвлечься. Пойдем баловаться...

Они совсем немного погуляли по крышам, и вдруг Карлсон сказал:

— Тсс!

Малыш тоже увидел двух мужчин, которые лезли на чердак.

— Воры! – радостно прошептал Малыш.

И представьте себе, это оказались самые настоящие воры. Малыш и Карлсон, спрятавшись за трубой, наблюдали, как они снимают с веревок чужое белье.

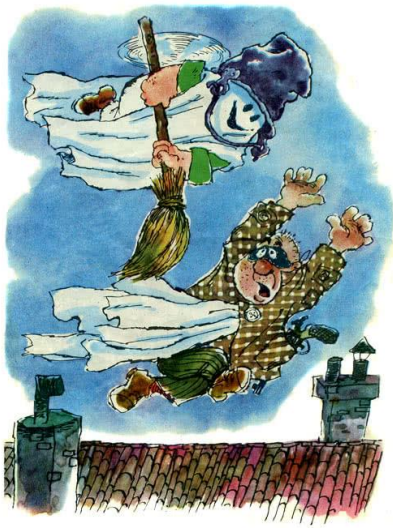

Карлсон шепнул:

— Знаешь, кто лучший в мире специалист по спугиванию воров?

— Ты?

— Сейчас увидишь.

Закутанный в простыню, с ведром на голове и щеткой в руках Карлсон выглядел настоящим приведением. Даже Малышу сделалось не по себе, а уж о ворах и говорить нечего.

Малышу так нравилось на крыше с Карлсоном, что он даже совсем забыл про собаку, которую ему не хотели купить...

Он вспомнил о ней только на следующее утро, и то потому, что у него как раз был день рождения.

На кровати лежала груда подарков, но Малышу все равно было так грустно, так одиноко! Даже когда прилетел Карлсон, ему не стало веселее.

Разве совсем чуть-чуть.

Карлсон обиделся. Он перестал откусывать от праздничного пирога и заявил:

— Я так не играю. Я к тебе прилетел, а ты совсем не рад.

— Даже на день рождения, и все равно собаку мне не подарили... — жалобно сказал Малыш.

— Но ведь у тебя есть я! Я же лучше собаки, — тихо сказал Карлсон.

Малыш уже хотел было согласиться, но тут из коридора послышался лай.

Папа принес щенка! Теперь у Малыша была своя собственная собака! И Карлсон, и щенок — каким, оказывается, счастливым можно быть иногда. Малыш ворвался в комнату с криком:

— Карлсон, Карлсон, мне подарили...

И замолчал. Потому что Карлсона больше не было в комнате.
Мальш подбежал к окну, выглянул – но и там тоже никого больше не было.

Карлсон исчез – как будто и не появлялся вовсе. Мальш, наверное, снова бы заплакал, но тут щенок лизнул его в щеку.

И поглаживая щенка, Мальш тогда подумал, что Карлсон обязательно вернется. Когда-нибудь...

(Текст пересказан Б.Лариным)

Друг детства — Драгунский В.Ю.

Когда мне было лет шесть или шесть с половиной, я совершенно не знал, кем же я в конце концов буду на

этом свете.

Мне все люди вокруг очень нравились и все работы тоже. У меня тогда в голове была ужасная путаница, я был какой-то растерянный и никак не мог толком решить, за что же мне приниматься.

То я хотел быть астрономом, чтоб не спать по ночам и наблюдать в телескоп далекие звезды, а то я мечтал стать капитаном дальнего плавания, чтобы стоять, расставив ноги, на капитанском мостике, и посетить далекий Сингапур, и купить там забавную обезьянку.

А то мне до смерти хотелось превратиться в машиниста метро или начальника станции и ходить в красной фуражке и кричать толстым голосом:

— Го-о-тов!

Или у меня разгорелся аппетит выучиться на такого художника, который рисует на уличном асфальте белые полосы для мчащихся машин.

А то мне казалось, что неплохо бы стать отважным путешественником вроде Алена Бомбара и переплыть все океаны на углу челноке, питаюсь одной только сырой рыбой. Правда, этот Бомбар после своего путешествия похудел на двадцать пять килограммов, а я всего-то весил двадцать шесть, так что выходило, что если я тоже поплыву, как он, то мне худеть будет совершенно некуда, я буду весить в конце путешествия только одно кило. А вдруг я где-нибудь не поймаю одну-другую рыбку и похудею чуть побольше? Тогда я, наверно, просто растаю в воздухе как дым, вот и все дела.

Когда я все это подсчитал, то решил отказаться от этой затеи, а на другой день мне уже приспичило стать боксером, потому что я увидел в телевизоре розыгрыш первенства Европы по боксу. Как они молотили друг друга – просто ужас какой-то!

А потом показали их тренировку, и тут они колотили уже тяжелую кожаную «грушу» – такой продолговатый тяжелый мяч, по нему надо бить изо всех сил, лупить что есть мочи, чтобы развивать в себе силу удара. И я так наглядился на все на это, что тоже решил стать самым сильным человеком во дворе, чтобы всех побивать, в случае чего.

Я сказал папе:

– Папа, купи мне грушу!

– Сейчас январь, груш нет. Съешь пока морковку.

Я рассмеялся:

– Нет, папа, не такую! Не съедобную грушу! Ты, пожалуйста, купи мне обыкновенную кожаную боксерскую грушу!

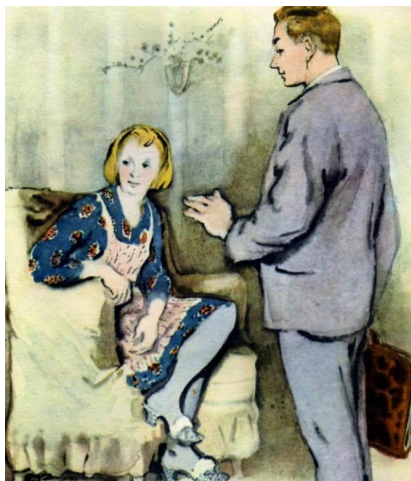
– А тебе зачем? – сказал папа.

– Тренироваться, – сказал я. – Потому что я буду боксером и буду всех побивать. Купи, а?

– Сколько же стоит такая груша? – поинтересовался папа.

– Пустяки какие-нибудь, – сказал я. – Рублей сто или триста.

– Ты спятил, братец, – сказал папа. – Перебейся как-нибудь без груши. Ничего с тобой не случится. И он оделся и пошел на работу.

А я на него обиделся за то, что он мне так со смехом отказал. И мама сразу же заметила, что я обиделся, и тотчас сказала:

– Стой-ка, я, кажется, что-то придумала. Ну-ка, ну-ка, погоди-ка одну минуточку.

И она наклонилась и вытащила из-под дивана большую плетеную корзинку; в ней были сложены старые игрушки, в которые я уже не играл. Потому что я уже вырос и осенью мне должны были купить школьную форму и картуз с блестящим козырьком.

Мама стала копаться в этой корзинке, и, пока она копалась, я видел мой старый трамвайчик без колес и на веревочке, пластмассовую дудку, помятый волчок, одну стрелу с резиновой нащепкой, обрывок паруса от лодки, и несколько погремушек, и много еще разного игрушечного утиля. И вдруг мама достала со дна корзинки здорового плюшевого Мишку.

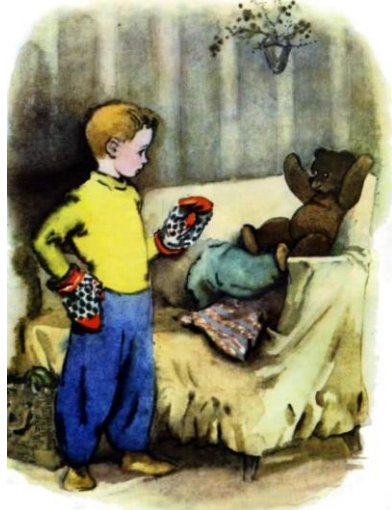
Она бросила его мне на диван и сказала:

– Вот. Это тот самый, что тебе тетя Мила подарила. Тебе тогда два года исполнилось. Хороший Мишка, отличный. Погляди, какой тугой! Живот какой толстый! Ишь как выкатил! Чем не груша? Еще лучше! И покупать не надо! Давай тренируйся сколько душе угодно! Начинай!

И тут ее позвали к телефону, и она вышла в коридор.

А я очень обрадовался, что мама так здорово придумала. И я устроил Мишку поудобнее на диване, чтобы мне сподручней было об него тренироваться и развивать силу удара.

Он сидел передо мной такой шоколадный, но здорово облезлый, и у него были разные глаза: один его собственный – желтый стеклянный, а другой большой белый – из пуговицы от наволочки; я даже не помнил, когда он появился. Но это было не важно, потому что Мишка довольно весело смотрел на меня своими разными глазами, и он расставил ноги и выпятил мне навстречу живот и обе руки поднял кверху, как будто шутил, что вот он уже заранее сдается...

И я вот так посмотрел на него и вдруг вспомнил, как давным-давно я с этим Мишкой ни на минуту не расставался, повсюду таскал его за собой, и нянькал его, и сажал его за стол рядом с собой обедать, и кормил его с ложки манной кашей, и у него такая забавная мордочка становилась, когда я его чем-нибудь перемазывал, хоть той же кашей или вареньем, такая забавная милая мордочка становилась у него тогда, прямо как живая, и я его спать с собой укладывал, и укачивал его, как маленького братишку, и шептал ему разные сказки прямо в его бархатные тверденькие ушки, и я его любил тогда, любил всей душой, я за него тогда жизнь бы отдал. И вот он сидит сейчас на диване, мой бывший самый лучший друг, настоящий друг детства. Вот он сидит, смеется разными глазами, а я хочу тренировать об него силу удара...

– Ты что, – сказала мама, она уже вернулась из коридора. – Что с тобой?

А я не знал, что со мной, я долго молчал и отвернулся от мамы, чтобы она по голосу или по губам не догадалась, что со мной, и я задрал голову к потолку, чтобы слезы вкатились обратно, и потом, когда я скрепился немного, я сказал:

– Ты о чем, мама? Со мной ничего... Просто я раздумал. Просто я никогда не буду боксером.

(Илл. Н.Носкович, изд. Детская литература, 1968 г.)

Ладошки

Не пойму, как по ладошке

Мама обо всем узнала:

По царапине – что кошку

Я вчера за хвост таскала,

По пятну от шоколадки

То, что лазила в буфет

И взяла себе украдкой

Десять маленьких конфет.

Даже то, что понарошку

Губы красила с утра,

Рассказали ей ладошки.

Может их помыть пора?

Ненецкая сказка «Кукушка»

Жила на земле бедная женщина. Было у неё четверо детей. Не слушались дети матери. Бегали, играли на снегу с утра до вечера. Одежду промочат, а мать — суши. Снегу наташат, а мать — убирай. И рыбу мать сама на реке ловила. Тяжело ей было, а дети ей не помогали. От жизни такой тяжёлой заболела мать. Лежит она в чуме, детей зовёт, просит:

— Детки, пересохло у меня горло, принесите мне водички.

Не один, не два раза просила мать. Не идут дети за водой. Наконец захотел старший есть, заглянул в чум, а мать посреди чума стоит, малицу надевает. И вдруг малица перьями покрылась. Берёт мать доску, на которой шкуры скоблят, а доска та хвостом птичьим становится. Напёрсток железный ей клювом стал. Вместо рук крылья выросли. Обернулась мать птицей и вылетела из чума.

— Братья, смотрите, смотрите, улетает наша мать птицей! — закричал старший сын.

Тут побежали дети за матерью.

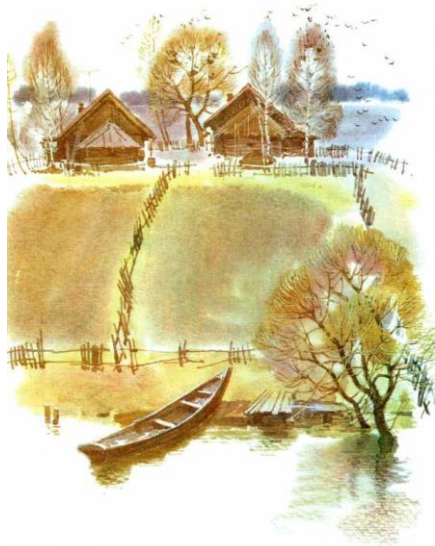
— Мама, мы тебе водички принесли.

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку! Не вернусь я.

Так бежали за матерью дети много дней и ночей по камням, по болотам, по кочкам. Ноги себе в кровь изранили. Где побегут, там красный след останется.

Навсегда бросила детей мать-кукушка. И с тех пор не вьёт себе кукушка гнезда, не растит сама своих детей, а по тундре с той самой поры красный мох стелется.

Кошка Маруська — Чарушин Е.И.

У деревенского охотника Никиты Ивановича Пистончикова жила пестрая кошка Маруська. Плешивая кошка, худая, тощая, потому что Никита Иванович ее очень плохо кормил.

Весной кошка Маруська с голоду стала ходить в лес на охоту.

Потихоньку, крадучись, чтобы деревенские собаки ее не видели, уйдет она из деревни и охотится в лесу. То мышку поймает, то изловит какую-нибудь птицу.

Пошла она так однажды охотиться, да и осталась совсем жить в лесу.

Скоро кошка Маруська потолстела, похорошела, гладкой стала. Ходит по лесу, как разбойник, гнезда разоряет, — живет в свое удовольствие.

А хозяин ее — Никита Иванович Пистончиков — о ней совсем забыл.

Но вот пришла осень. Птицы из лесу улетели. Только мыши остались на добычу кошке Маруське.

Потом и настоящая зима настала. Мыши стали жить под снегом. Редко-редко, когда выбегут. Пробегут поверху немного и опять уйдут в свои подснежные ходы-переходы.

Плохо тут пришлось Маруське. И холодно, и голодно. Как прокормиться?

Стала устраивать засады. Залезет на дерево и лежит на суку: ждет, не пробежит ли под деревом мышка или заяц. А если пробежит, Маруська тогда сверху и кинется.

Недобычливая такая охота. Отощала кошка, похудела, стала злющей-презлющей, как дикий зверь.

Однажды Никита Иванович собрался на охоту. Надел заячью шапку-ушанку, овчинный полушубок, взял ружье, взял мешок для добычи и пошел на лыжах в лес. Идет он по лесу и разные звериные следы разбирает. Вот заяц прыгал — наследил, вот лиса прошла, а вот белка от дерева к дереву проскакала.

Проходит он мимо высокой толстой ели, и вдруг как свалится ему прямо на голову какой-то зверь. Когтями его заячью шапку рвет, шипит, ворчит.

Никита хватъ зверя обеими руками — так вместе с шапкой и снял с головы. Хотел бросить зверя наземь — глядит: да это его пестрая кошка Маруська! Тощая-претощая, одна кожа да кости.

— Эх ты, — засмеялся Никита Иванович, — горе-охотник! Заячью шапку с зайцем спутала.

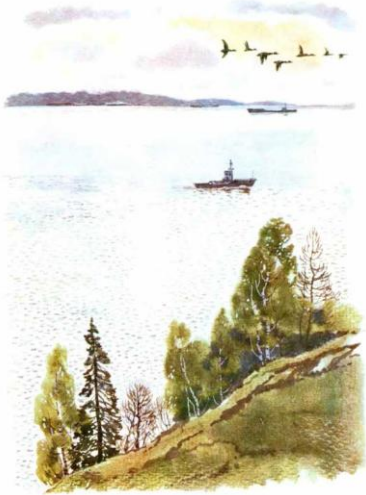

Пожалел он ее, принес домой и с тех пор стал кормить как следует.

.....

Кот Епифан — Чарушин Е.И.

Хорошо и привольно на Волге-реке! Посмотри, ширина-то какая! Другой берег еле видно! Блестит эта живая, текучая вода. И все небо в эту воду смотрится: и облака, и голубая лазурь, и кулички, что, пересвистываясь, перелетают кучкой с песка на песок, и стаи гусей и уток, и самолет, на котором человек куда-то летит по своим делам, и белые пароходы с черным дымом, и баржи, и берега, и радуга на небе.

Посмотришь на это текучее море, посмотришь на облака ходячие, и кажется тебе, что и берега тоже куда-то идут — тоже ходят и двигаются, как и все кругом.

Вот там, на Волге, в землянке, на самом волжском берегу — в крутом обрыве, живет сторож-бакенщик. Посмотришь с реки — увидишь только окно да дверь. Посмотришь с берега — одна железная труба торчит из травы. Весь дом у него в земле, как звериная нора.

По Волге день и ночь плывут пароходы. Пыхтят буксиры, дымят, тянут на канатах за собой баржи-беляны, везут разные грузы или тащат длинные плоты. Медленно поднимаются они против течения, шлепают по воде колесами. Вот идет такой пароход, везет яблоки — и запахнет сладким яблоком на всю Волгу. Или рыбой запахнет, значит, везут воблу из Астрахани. Бегут почтово-пассажирские пароходы, одноэтажные и двухэтажные. Эти плывут сами по себе. Но быстрее всех проходят двухэтажные скорые пароходы с голубой лентой на трубе. Они останавливаются только у больших пристаней, и после них высокие волны расходятся по воде, раскатываются по песку.

Старый бакенщик около мелей и перекатов расставляет по реке красные и белые бакены. Это такие плавучие плетеные корзины с фонарем наверху. Бакены показывают верную дорогу. Ночью старик ездит на

лодке, зажигает на бакенах фонари, а утром тушит. А в другое время старик бакенщик рыбачит. Он завзятый рыбак.

Однажды старик рыбачил весь день. Наловил себе рыбы на уху: лещей, да подлещиков, да ершей. И приехал обратно. Открыл он дверь в землянку и смотрит: вот так штука! К нему, оказывается, гость пришёл! На столе рядом с горшком картофеля сидит весь белый-белый пушистый кот. Гость увидал хозяина, выгнул спину и стал тереться боком о горшок. Весь свой белый бок испачкал в саже.

— Ты откуда пришел, из каких местностей?

А кот мурлычет и глаза щурит и еще больше себе бок пачкает, натирает сажей. И глаза у него разные. Один глаз совсем голубой, а другой совсем желтый.

— Ну, угощайся, — сказал бакенщик и дал коту ерша. Кот схватил в когти рыбку, поурчал немного и съел ее. Съел и облизывается, — видно, еще хочет.

И кот съел еще четыре рыбки. А потом прыгнул на сенник к старику и задремал. Развалился на сеннике, мурлычет, то одну лапу вытянет, то другую, то на одной лапе выпустит когти, то на другой. И так ему,

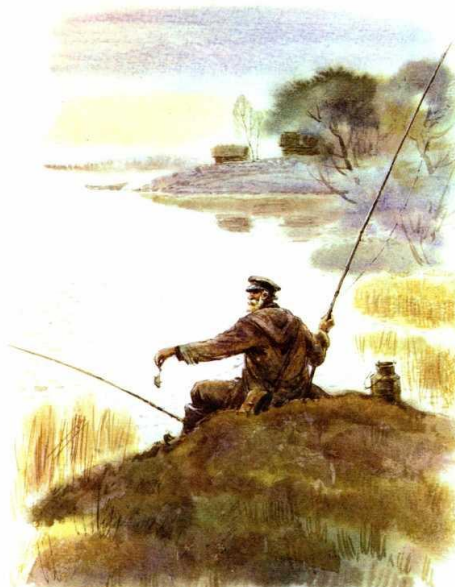
видно, тут понравилось, что он остался совсем жить у старика. А старик бакенщик и рад. Вдвоем куда веселее. Так и стали они жить.

Бакенщику не с кем было раньше поговорить, а теперь он стал разговаривать с котом, назвал его Епифаном. Не с кем было раньше рыбу ловить, а теперь кот стал с ним на лодке ездить. Сидит в лодке на корме и будто правит. Вечером старик говорит:

— Ну, как, Епифанушка, не пора ли нам бакены зажигать, — ведь, пожалуй, скоро темно будет? Не зажжем бакены — сядут наши пароходы на мель.

А кот будто и знает, что такое бакены зажигать. Ни слова не говоря, идет он к реке, залезает в лодку и ждет старика, когда тот придет с веслами да с керосином для фонарей. Съездят они, зажгут фонари на бакенах — и обратно. И рыбачат они вместе. Удит старик рыбу, а Епифан сидит рядом. Поймалась маленькая рыбка — ее коту. Поймалась большая — старику на уху. Так уж и повелось. Вместе служат, вместе и рыбачат.

Вот однажды сидел бакенщик со своим котом Епифаном на берегу и удил рыбу. И вот сильно клюнула какая-то рыба. Выдернул ее старик из воды, смотрит: да это жадный ершишка заглотил червяка. Ростом с мизинец, а дергает, как большая щука. Старик снял его с крючка и протянул коту.

— На, — говорит, — Епифаша, пожуй немножко.

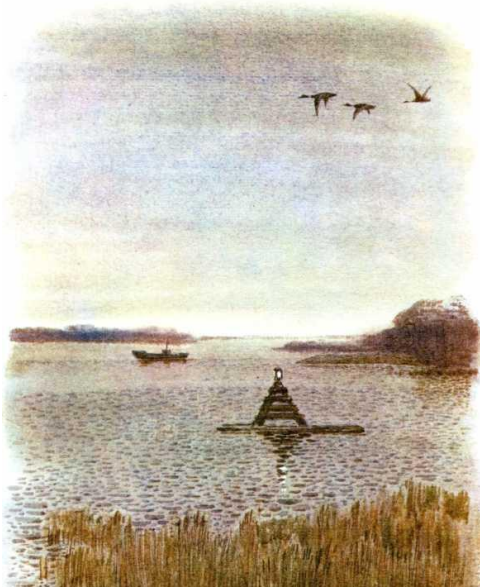

А Епифаши-то и нет. Что такое, куда девался?

Потом видит старик, что его кот ушел далеко-далеко по берегу, белеется на плотках. «С чего это он туда пошел, — подумал старик, — и что он там делает? Пойду взгляну». Смотрит, а его кот Епифан сам рыбу ловит. Лежит пластом на бревне, опустил лапу в воду, не шевелится, даже не моргает. А когда рыбешки выплыли стайкой из-под бревна, он — раз! — и подцепил когтями одну рыбку. Очень удивился старик бакенщик.

— Вот ты какой у меня ловкач, — говорит, — ай да Епифан, ай да рыбак! А ну, поймай-ка мне, — говорит, — стерлядку на уху, да пожирнее.

А кот на него и не глядит. Рыбу съел, перешел на другое место, снова лег с бревна рыбу удить. С тех пор так они и ловят рыбу: врозь — и каждый по-своему. Рыбак снастями да удочкой с крючком, а кот Епифан лапой с когтями. А бакены вместе зажигают.

В лесу

Тропинкой темною лесною,
Где колокольчики цветут,
Под тенью легкой и сквозною
Меня кустарники ведут.
Здесь полусвет и запах пряный
Сухой листвы, а вдалеке
Лес расступается поляной
К долине мирной и реке.
Садится солнце, даль синеет,
Кукушка стонет, а река
Уже от запада алеет
И отражает облака.
Вокруг меня деревья стройно
Уходят к ясной вышине,
И сердце радостью спокойной
Полно в вечерней тишине.
Пора и горе, и ненастье,
И зиму темную забыть, —
Одно есть только в мире счастье
Весь божий свет душой любить!

Маленькая Баба Яга — Пройслер О.

Нежданные гости

Пятница для ведьм то же самое, что для всех людей воскресенье. Если люди не работают по воскресеньям, то ведьмы не колдуют по пятницам. У них это даже строже поставлено: колдовать по пятницам они просто не имеют права! Если их поймают на месте преступления — за каким-нибудь колдовством в пятницу, — беднягам придётся худо. Они должны будут платить штраф.

Так обстоит дело у ведьм. И Маленькой Бабы-Яги это касалось. Потому что она тоже ведьма, хотя и маленькая. И Маленькая Баба-Яга строго придерживалась этого правила. Ей вовсе не хотелось платить штраф. Ещё в четверг спрятала она метлу в сарай и заперла колдовскую книгу в ящик стола. Подальше от греха.

В пятницу она обычно вставала поздно. Делать-то нечего! Если нельзя колдовать, то зачем вставать рано? Лучше понежиться в постели. Перед обедом она обычно выходила прогуляться вокруг дома.

— По мне, вполне хватало бы одной пятницы в месяц! — ворчала она частенько, сидя перед домом.

То, о чём я сейчас рассказываю, случилось однажды в пятницу, поздней осенью. Маленькая Баба-Яга сидела, по обыкновению, на лавочке во дворе и скучала. Ещё никогда ей так не хотелось поколдовать!

Внезапно она услышала лёгкие шаги. Потом кто-то постучал в дверь дома.

— Да, да! — встрепелась Маленькая Баба-Яга. — Иду!

Она вскочила и побежала к дому, сгорая от любопытства: кто бы это мог быть? Перед избушкой стояли мальчик и девочка. Они держались за руки. Завидев Маленькую Бабу-Ягу, они поздоровались.

— Добрый день! — ответила Маленькая Баба-Яга. — Чего вам, ребята?

— Мы хотели расспросить у тебя дорогу в город, — сказал мальчик. — Потому что заблудились.

— Мы ходили за грибами, — закончила девочка.

— Так-так, — повторила Маленькая Баба-Яга, — ходили за грибами!

Она вошла с детьми в дом. Там она усадила их за стол, налила им кофе и дала каждому по куску праздничного пирога. Потом она спросила, как их зовут. Мальчика звали Томас, а девочку — Врони. Были они братом и сестрой. Их родителям принадлежали трактир и гостиница «Золотой бык». Тот самый, что в городе, наискосок от базара...

— Знаю, — кивнула Маленькая Баба-Яга.

— А ты? — спросил Томас, наклонившись над чашкой. — Ты кто?

— Отгадай! — захихикала хозяйка.

— Откуда мне знать? — сказал Томас.

— Я Баба-Яга, то есть ведьма... а это мой дом!

— Ой! — испугалась девочка. — Ты — настоящая ведьма? И умеешь колдовать?

— Только не бойтесь! — успокоил их ворон Абрахас. — Она хорошая ведьма и не сделает вам ничего плохого.

— Нет, конечно, — подтвердила Маленькая Баба-Яга. Она подлила им обоим кофе.

Потом спросила:

— Наколдовать вам чего-нибудь?

— Стой! — испуганно закричал Абрахас. — Одумайся! Ты забыла, что сегодня пятница?

Но Маленькая Баба-Яга уже всё решила.

— Мы просто-напросто закроем двери, закроем ставни — и никто ничего не заметит! — хитро ответила она.

Захлопнув все ставни и двери и накрепко задвинув засовы, Маленькая Баба-Яга принялась за дело. Сначала она наколдовала на кухонном столе морскую свинку, потом хомячка, потом черепаху. Хомячок и морская свинка встали на задние лапки и долго танцевали. Черепаха танцевать не захотела.

— Давай, давай! — прикрикнула на неё Маленькая Баба-Яга. — Не ленись!

Волей-неволей пришлось танцевать и черепахе.

— Здорово! — сказали Томас и Врони. — Ты это действительно умеешь!

— Это только начало, — скромно ответила Маленькая Баба-Яга.

Она взмахнула рукой, и животные исчезли. А Маленькая Баба-Яга принялась колдовать дальше. В кофейнике она наколдовала букет цветов, а потом устроила на полке — под самым потолком — целый кукольный театр! Выступали в театре ложки и поварёшки. Они играли, как настоящие артисты. Дети никак не могли на всё это насмотреться.

— Ещё! Ещё! — просили они то и дело.

Так Маленькая Баба-Яга колдовала два часа подряд: одно чудо следовало за другим.

Наконец она сказала: — Теперь хватит! Вам пора домой!

— Уже? — разочарованно спросили дети.

— Да, самое время... Вы же хотите засветло быть дома, не так ли?

Только сейчас дети заметили, что уже поздно. Они схватились за свои корзинки.

— О! — изумился Томас. — Тут было всего несколько грибков, а теперь корзинки полны белых!

Маленькая Баба-Яга тоже притворилась удивлённой.

— Чего только не бывает! — сказала она.

Потом она быстро вывела ребятшек на дорогу.

— Большое спасибо! — сказала на прощанье Врони. — А ты не придёшь к нам когда-нибудь в гости? Мы показали бы тебе нашу кухню, и конюшню, и быка Корбиниана!

— А это кто? — спросил Абрахас.

— Это наш любимец! — воскликнул Томас. — Большой бык! На нём можно ездить верхом! Придёте к нам?

— Придём! — сказала Маленькая Баба-Яга. — Когда вам угодно?

— В воскресенье через две недели! — предложил Томас. — Как раз будет праздник — День стрелка.

Давайте встретимся на праздничной поляне за городом!

— Договорились! — сказала Маленькая Баба-Яга. — В воскресенье через две недели я буду у вас. Ну, а теперь бегите!

Томас и Врони схватились за руки и побежали по дороге в город. А Маленькая Баба-Яга с вороном на плече двинулась по тропинке к дому.

«Хорошая была пятница! — думала она. — Если бы все пятницы проходили так быстро и весело!»

Когда они вернулись, над трубой избушки стояла чёрная как смоль туча.

— Вот оно! — закаркал Абрахас. — Ветряная ведьма Румпумпель! Она за нами в трубу подсматривала!

— Может быть, это просто обычная грозовая туча, — сказала Маленькая Баба-Яга. — Я не вижу там никакой метлы...

Но на душе у неё было беспокойно. А что, если это действительно её тётка, ветряная ведьма? Тогда не миновать беды. Она непременно донесёт Главной ведьме.

— Посмотрим, чем всё это кончится, — прошептала Маленькая Баба-Яга.

Прошёл день, второй, третий — целая неделя. Никто не призывал её к ответу. Штрафа тоже никто не требовал. И Маленькая Баба-Яга с облегчением подумала:

«Хорошо, что тётка Румпумпель ничего не видала!»

Лев и собачка — Толстой Л.Н.

В Лондоне показывали диких зверей и за смотренье брали деньгами или собаками и кошками на корм диким зверям.

Одному человеку захотелось поглядеть зверей: он ухватил на улице собачонку и принёс её в зверинец. Его пустили смотреть, а собачонку взяли и бросили в клетку ко льву на съеденье.

Собачка поджала хвост и прижалась в угол клетки. Лев подошёл к ней и понюхал её.

Собачка легла на спину, подняла лапки и стала махать хвостиком.

Лев тронул её лапой и перевернул.

Собачка вскочила и стала перед львом на задние лапки.

Лев смотрел на собачку, поворачивал голову со стороны на сторону и не трогал её.

Когда хозяин бросил льву мяса, лев оторвал кусок и оставил собачке.

Вечером, когда лев лёг спать, собачка легла подле него и положила свою голову ему на лапу.

С тех пор собачка жила в одной клетке со львом, лев не трогал её, ел корм, спал с ней вместе, а иногда играл с ней.

Один раз барин пришёл в зверинец и узнал свою собачку; он сказал, что собачка его собственная, и попросил хозяина зверинца отдать ему. Хозяин хотел отдать, но, как только стали звать собачку, чтобы взять её из клетки, лев ошетинился и зарычал.

Так прожили лев и собачка целый год в одной клетке.

Через год собачка заболела и издохла. Лев перестал есть, а всё нюхал, лизал собачку и трогал её лапой.

Когда он понял, что она умерла, он вдруг вспрыгнул, ошетинился, стал хлестать себя хвостом по бокам, бросился на стену клетки и стал грызть засовы и пол.

Целый день он бился, метался в клетке и ревел, потом лёг подле мёртвой собачки и затих. Хозяин хотел унести мёртвую собачку, но лев никого не подпускал к ней.

Хозяин думал, что лев забудет своё горе, если ему дать другую собачку, и пустил к нему в клетку живую собачку; но лев тотчас разорвал её на куски. Потом он обнял своими лапами мёртвую собачку и так лежал пять дней.

На шестой день лев умер.

Волшебный барабан

Джанни Родари

Шел однажды с войны барабанщик. Был он очень беден. Все-то его богатство составлял барабан. Но настроение у солдата было прекрасное – ведь он возвращался домой, где не был долгие годы. И потому далеко вокруг разносился веселый грохот его барабана: «Трам-тара-там! Трам-там-там!»

Шел он, шел и вдруг встретил старушку.

– А, славный солдатуська! Не найдется ли у тебя случаем хоть одного сольдо?

– Я охотно дал бы тебе и два, бабуля, и даже дюжину, если б были. Но у меня и вправду нет ни одного сольдо!

– Ой, так ли уж?

– Еще утром я обшарил свои карманы, но ничего не нашел.

– А ты посмотри еще разок, поищи как следует. – В карманах? Что ж, посмотрю, раз тебе так хочется. Но уверен... Ой, а это что такое?

– Сольдо! Видишь, выходит, есть?

– Клянусь тебе, я и не знал об этом! Вот красота! Держи, бабуля, мне не жалко. Тебе оно, должно быть, нужнее.

– Спасибо, солдат! – поблагодарила старушка. – А я взамен тоже дам тебе кое-что.

– Да? Но мне ничего не надо.

– Подарю тебе маленькое волшебство. Слушай внимательно. Всякий раз, как зазвучит твой барабан, все вокруг будут пускаться в пляс.

– Какое забавное волшебство! Спасибо, бабуля.

– Подожди, это еще не все. Затанцуют люди и не смогут остановиться, пока не перестанешь играть на своем барабане.

– Вот здорово! Не знаю еще, что стану делать с таким подарком, но, наверно, пригодится,

– Еще как!

– Прощай, бабуля!

– Прощай, солдат!

И барабанщик снова двинулся в путь – домой. Шел он, шел... Вдруг из леса выскочили трое разбойников.

– Кошелек или жизнь!

– Ох, да ради бога! Берите еще и сумку. Только и в ней пусто.

– Руки вверх или будем стрелять!

– Слушаюсь, слушаюсь, господа разбойники.

– Где прячешь деньги?

– Будь они у меня, наверное, спрятал бы в шапке. Разбойники посмотрели в шапку – пусто.

– А может, сунул бы в ухо. Посмотрели в ухо – тоже пусто.

– Нет, пожалуй, я положил бы их на самый кончик носа, будь они у меня.

Разбойники искали, искали и, разумеется, не нашли даже гроша ломаного.

– Да ты и в самом деле нищий! – рассердился главарь разбойников. – Ну, ладно, заберем у тебя барабан, хоть повеселимся иногда – и то хорошо.

– Берите, – вздохнул солдат, – жаль, конечно, расставаться со старым другом, столько лет дружили. Но раз уж он так вам нужен...

– Нужен!

– Дайте только мне сыграть на нем напоследок, а потом забирайте. А заодно я покажу вам, как надо играть. Идет?

– Ладно, так уж и быть, играй.

– Вот хорошо! – обрадовался барабанщик. – Я поиграю: «Трам-та-ра-там-там! Трам-там-там!» А вы потанцуйте!

И надо было видеть, как затанцевали эти негодяи! Словно медведи на ярмарке.

Поначалу им нравилось, они смеялись и шутили!

– Давай, давай, барабанщик! А ну-ка, вальс!

– А теперь польку!

– Мазурку!

Но вот они устали, задыхаются. Хотят остановиться, да не могут! Выбились из сил, ноги не держат, голова кружится, а волшебный барабан все заставляет их плясать.

– На помощь!

– Пляшите!

– Пощады!

– Пляшите!!

– Господи!

– Пляшите, пляшите!

– Хватит, хватит!

– Не отнимете у меня барабан?

– Не отнимем! С иас достаточно...

– Оставьте меня в покое?

– О, мы отдадим тебе что угодно, только прекрати эту музыку!

Но барабанщик перестал играть только тогда, когда они, совсем обессиленные, свалились на землю.

– Вот и хорошо! Теперь вы меня не догоните!

И пустился наутек, время от времени ударяя палочками по барабану – на всякий случай. И тогда сразу же начинали танцевать зайцы в своих норках, белки на деревьях и проснувшиеся среди бела дня совы.

Так и шел дальше славный барабанщик, возвращаясь домой.

Первый конец

Шел он, шел и вдруг подумал: «А ведь это волшебство – неплохая штука! И с разбойниками я поступил в общем-то довольно глупо. Я же мог заставить их отдать мне все деньги, какие у них были. Может, вернуться и поискать их?»

И он повернул было обратно, как вдруг увидел, что навстречу едет почтовая карета.

– Вот это, пожалуй, меня даже больше устроит! Лошади бежали быстро, позванивая бубенчиками,

и кучер на козлах весело насвистывал песенку. Рядом с ним сидел вооруженный жандарм.

– Привет, барабанщик! Тебя подвезти?

– Нет, мне и тут хорошо.

– Тогда сойди с дороги, дай проехать.

– А вы сначала потанцуйте!

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!» – загремел барабан. И тотчас затанцевали лошади, соскочил на землю кучер и давай притоптывать ногами. А уж как смешно плясал жандарм, выронивший свое ружье! И пассажиры все тоже пустились в пляс.

А надо вам сказать, что в этой почтовой карете везли <в банк золото – три ящика. Наверное, килограммов триста. Солдат одной рукой продолжал бить в барабан, другой сбросил ящики на дорогу и ногой задвинул их в кусты.

– Пляшите! Пляшите!

– Хватит! Хватит! Больше не можем!

– Тогда уезжайте, да побыстрее! И не оборачиваться!...

Почтовая карета уехала без своего драгоценного груза. А солдат стал богатым-пребогатым, как миллионер... Теперь он мог купить себе виллу, жить бездельником и жениться на дочери какого-нибудь важного чиновника. А еще понадобятся деньги, так ему и в банк идти не надо – достаточно вспомнить о барабане.

Второй конец

Шел солдат, шел и вдруг увидел охотника, который целился в дрозда.

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!

Охотник выронил ружье и пустился в пляс. А дрозд улетел.

– Несчастный! Ты мне ответишь за это!

– Там видно будет, а пока попляши! Ну как?

– Эх, сил нет!

– Хочешь остановиться, так обещай, что никогда больше не будешь стрелять в птиц!

– Обещаю!

Шел он дальше, шел и увидел крестьянина, который колотил своего осла.

– Пляши!

– На помощь!

– Пляши! Перестану играть, только если поклянешься, что никогда больше не будешь бить своего осла.

– Клянусь!

Шел дальше славный солдат, шел и бил в свой барабан каждый раз, когда нужно было положить конец какому-нибудь безобразию ввосстановить справедливость или наказать злодея. А злодеев всяких и несправедливостей разных встречалось почему-то так много, что ему никак не удавалось Драться до дома. Но он все равно был доволен. «Мои дом, – решил отбудет там, где я смогу делать добро с помощью моего барабана».

Третий конец

Шел солдат, шел и размышлял: «Интересный барабан! Любопытно, как он устроен? И в чем заключается его волшебство?» Повертел в руках палочки, разглядывая их, – вроде обыкновенные деревянные палочки.

– Может, секрет спрятан внутри барабана, под этой туго натянутой кожей? Загляну-ка туда, – решил он. И прорезал ножом небольшую дырочку. А внутри оказалось пусто – совсем пусто!

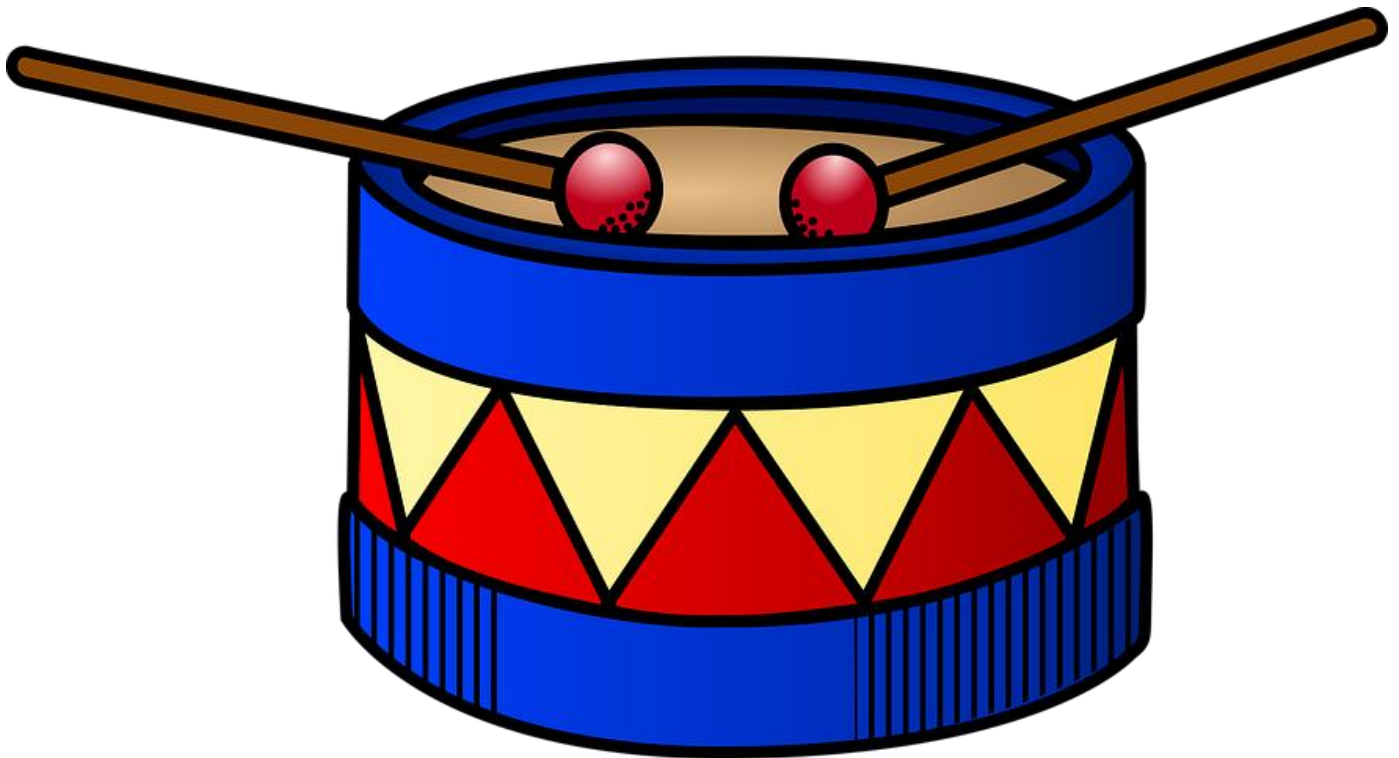
– Ну, ладно, ничего не поделаешь...

И отправился солдат дальше своей дорогой весело стуча палочками. Но теперь зайцы, белки и птицы больше не танцевали под звуки его барабана и совы тоже не просыпались...

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!»

Звук вроде бы тот же, а волшебства нет как нет!

Вы не поверите, но барабанщик почему-то обрадовался этому.

Три золотых волоса Деда Всеведа (чешская сказка)

То ли было, то ли не было. Жил однажды король и любил он охотиться. Вот как-то выследил он оленя, погнался за ним и заблудился. Наступила ночь и король очень обрадовался, когда наконец увидел на полянке избушку. В той избушке жил угольщик. Король попросил, чтобы он его из леса вывел и пообещал за это как следует заплатить.

«Я бы с радостью с вами пошел, — говорит угольщик. — Да не могу. Жена моя ребенка ожидает. Да и зачем вам идти на ночь глядя? Переспите на сеновале, а завтра утром я вас провожу».

Вскоре родился у угольщика сын. Король лежал на сеновале и все никак не мог уснуть. В полночь увидел он, что внизу в светелке свет появился. Глянул он сквозь трещину в потолке и увидел: угольщик спит, жена его лежит точно в обмороке, а возле ребенка стоят три старухи в белом и каждая из них держит в руке зажженную свечку. Первая и говорит:

«От меня в подарок он получит большие опасности».

Вторая говорит:

«От меня — уменье их избежать и долголетие».

А третья говорит:

«От меня он получит королевскую дочку в жены, — она родилась сегодня у короля, который лежит на сеновале».

Тут старухи погасили свечи и стало тихо. Это были феи.

Король почувствовал, что ему точно мечом в грудь ударили. Не спал он до утра и все думал, что бы такое сделать, чтобы предсказание не исполнилось. Когда рассвело, ребенок заплакал. Угольщик встал и увидел, что жена у него уснула вечным сном.

«Ах ты мой несчастный сиротинушка, — принялся он бедовать. — Что же я с тобой теперь буду делать?»

«Отдай мне ребенка, — сказал к'рроль. — Я позабочусь, чтобы он горя не знал. А ты получишь столько денег, что до самой смерти тебе не придется больше уголь добывать».

Угольщик обрадовался, а король пообещал, что пришлет за ребенком. Когда он вернулся в замок, ему рассказали, что ночью родилась у него раскрасавица-дочка. Было это как раз в ту ночь, когда он увидел трех фей. Король нахмурился, приказал привести к себе одного слугу и говорит ему:

«Отправляйся в лес и найди избу, где живет угольщик. Ты ему дашь деньги, а он тебе малого ребенка.

Ребенка возьми и по дороге утопи. А не утопишь — тебя самого утоплю!»

Слуга пошел, взял ребенка, положил в корзинку, а как пришел на мост через глубокую и широкую реку — бросил его в воду вместе с корзинкой.

Король думал, что ребенок утонул. Только не тут-то было. Плыл он в корзинке по воде, река его точно баюкала, спал он, а река ему колыбельную пела. Вот и приплыл он к избе одного рыбака. Рыбак сидел на берегу и чинил сети. Видит — по реке что-то плывет. Вскочил он в лодку, вытащил из воды корзину, а в ней — ребенок. Принес он его жене и говорит:

«Ты все хотела, чтобы у нас сын был, вот нам его река и подарила».

Жена рыбака растила ребенка как своего родного. Называли его все Поплавок, потому что он по воде приплыл.

Река течет, время идет, а из мальчика вырос молодец, равного которому не было в целом свете. Раз случилось королю ехать одному на коне в тех местах. Было жарко, королю захотелось пить, вот и свернул он к рыбацкому домику отдохнуть и свежей воды напиться. А когда подал ему Поплавок воды, король удивился и спросил:

«Этот пригожий молодец твой сын, рыбак?»

«И да, и нет, — ответил ему рыбак. — Ровно двадцать лет назад приплыл он к нам по реке в корзинке. Вот мы его и вырастили».

У короля все закружилось перед глазами и побелел он как полотно. Понял он, что перед ним тот, кого он двадцать лет назад утопить приказал, Но король быстро опомнился, соскочил с коня и говорит:

«Надо бы мне гонца в королевский замок послать, а я с собой никого не взял. Не мог бы ваш сын сослужить мне эту службу?»

«Прикажите, Ваша королевская милость, и мальчик сбегает», — сказал рыбак.

Король сел и написал королеве письмо:

«Молодца, которого я тебе посылаю, прикажи немедленно проткнуть мечом. Это мой враг. К моему приезду чтобы все было выполнено. Такова моя воля».

Потом он сложил письмо и своим перстнем запечатал.

Поплавок сразу отправился в путь. Идти ему пришлось через дремучий лес, и не успел он оглянуться, как потерял дорогу и заблудился. Кругом были одни заросли, да и темнеть уже начало. Тут и встретил он старушку.

«Куда путь держишь, Поплавок?»

«Несу письмо в королевский замок, только вот заблудился я. Не можешь ли ты, бабушка, на дорогу меня вывести?»

«Сегодня тебе в замок уже не дойти, темно, — ответила ему старушка. — Переночуй-ка у меня, не у чужих будешь спать, а у своих: я ведь твоя крестная».

Молодец согласился. Не успели они и несколько шагов ступить, как вдруг точно из-под земли вырос перед ними красивый домик. Ночью, когда молодец уснул, старушка вынула у него из кармана письмо и заменила новым, в котором было написано: «Молодца, которого я тебе посылаю, прикажи немедленно повенчать с нашей дочерью. К моему приезду чтобы все было выполнено. Такова моя воля».

Королева как прочла письмо, сразу же приказала свадьбу устроить. Королева и молодая королевна не могли на жениха наглядеться, так он им обоим нравился. Поплавок королевская дочка тоже пришлась по сердцу. Через несколько дней вернулся король домой. Как узнал он, что без него произошло, рассердился и разгневался на королеву.

«Ты же сам мне приказал до твоего приезда повенчать их», — сказала королева и подала ему письмо.

Король письмо взял и видит: и почерк, и печать, и бумага — все сходится. Приказал он позвать к себе зятя и принялся его расспрашивать, как мол и что, и по какой дороге он в замок шел. Поплавок ему все рассказал, как шел, как заблудился и у крестной переночевал.

Король догадался, что крестная была той самой феей, которая двадцать лет назад одарила королевской дочерью сына угольщика. Думал он, думал, что же теперь делать, а потом и говорит:

«Что сделано, то сделано. Только дар'ом я тебя в зятя не возьму. Хочешь мою дочь взять в жены, за ее приданное принеси-ка ты мне три золотых волоса Деда Всеведа». Думал он, что теперь избавится от своего постылого зятя.

Поплавок попрощался со своей женой и отправился куда глаза глядят. Шел он долго-предолго, через горы и доли, через реки и броды, пока не дошел он до черного моря. Увидел он лодку, а в ней перевозчика.

«Бог в помощь, старый перевозчик!»

«Помогай бог, молодой странник! Куда путь держишь?»

«К Деду Всеведу за тремя золотыми волосами».

«Ну и ну! Такого посла я давно уже поджидаю. Двадцать лет я служу здесь перевозчиком и никто меня освободить не хочет. Если пообещаешь мне узнать у Деда Всеведа, когда придет конец моим тяжелым трудам, перевезу тебя через море».

Поплавок ему пообещал и перевозчик его перевез на лодке.

Потом подошел молодец к великому городу, только был этот город мрачный и ветхий. По дороге встретил он старичка с палочкой, который едва-едва тащился.

«Бог в помощь, седой дедушка!»

«Помогай бог, пригожий молодец! Куда путь держишь?»

«К Деду Всеведу за тремя золотыми волосами».

«Ай-ай-ай! Такого посла мы давно уже поджидаем. Пойдем, я тебя отведу к нашему королю».

Пришли они к королю, а он и говорит:

«Слышал я, что у тебя дело есть к Деду Всеведу. Была у нас яблоня с молодыми яблоками. Кто такое яблоко съел, будь он даже на краю могилы, сразу же молодец и превращался в юношу. Только вот уже двадцать лет не родит наша яблоня никаких яблок. Если пообещаешь узнать у Деда Всеведа, как делу помочь, вознагражу тебя по-королевски».

Поплавок пообещал, и король его милостиво отпустил.

Потом подошел молодец к другому великому городу, только был этот город наполовину разрушенный.

Возле дороги хоронил сын умершего отца и слезы градом текли по его лицу.

«Бог в помощь, печальный гробовщик!» — сказал Поплавок.

«Помогай бог, добрый странник! Куда путь держишь?»

«Иду я к Деду Всеведу за тремя золотыми волосами».

«К Деду Всеведу? Жалко, что ты раньше сюда не пришел! Наш король давно поджидает такого посла.

Пойдем, я тебя к нему провожу».

Пришли они к королю, а он и говорит:

«Слышал я, что у тебя дело есть к Деду Всеведу. Был у нас в городе родник с живой водой. Кто напился этой воды, будь он даже на краю могилы, сразу же поправился. А мертвого стоило покропить этой водой, он тут же вставал и ходить принимался. Только вот уже двадцать лет вода из этого родника не течет. Если пообещаешь узнать у Деда Всеведа, как делу помочь, вознагражу тебя по-королевски».

Поплавок пообещал, и король его милостиво отпустил.

Долго шел он черным лесом, а посреди того леса увидел большой зеленый луг с прекрасными цветами, а на том лугу — золотой замок. Это и был замок Деда Всеведа и горел он, точно огненный. Поплавок вошел в замок, но никого во всем замке не увидел. Только в уголке сидела старушка и пряла пряжу.

«Добро пожаловать, Поплавок, — сказала она. — Давно я тебя не видела». А старушка эта была его крестной, у которой он переночевал, когда королевское письмо нес. «Зачем пожаловал?»

«Король не хочет, чтобы я даром его зятем стал, вот и послал он меня за тремя золотыми волосами Деда Всеведа». Старушка улыбнулась и говорит:

«Дед Всевед, это сын мой, Солнце ясное. Утром — он младенец, в полдень — взрослый, а к вечеру — старый дедушка. Я тебе помогу заполучить три волоса с его головы, недаром я тебе крестная. Только, сыночек мой, просто так поджидать его здесь нельзя. Мой сын хоть и добрая душа, но как вернется вечером голодный, может тебя ненароком изжарить и съесть на ужин. Вон в углу стоит кадушка, я на тебя ее и опрокину».

Поплавок попросил крестную узнать у Деда Всеведа ответы на все три вопроса, которые ему по дороге задали.

«Я спрошу, — сказала бабушка. — А ты примечай, что он скажет».

Вдруг поднялся на улице ветер и через западное окно влетело в светлицу Солнце, старый дедушка с золотой головой.

«Чую, чую человечину! — сказал он. — Кто тут у тебя, мать?»

«Ты моя звезда неугасимая, ну кто здесь может быть, кто от тебя укроется? Ты целый день летаешь по миру божьему, нанюхаешься человечины, вот тебе человечина и вечером всюду чудится!»

Старичок на это не сказал ни слова и сел ужинать.

После ужина положил он свою золотую голову на колени к матери и за дремал. Когда увидела она, что он спит, вырвала у него один золотой волос и бросила на землю. Зазвенел он как струна.

«Чего тебе, мать?» — спросил старичок.

«Ничего, сынок, ничего! Задремала я и приснился мне дивный сон».

«Что же тебе приснилось?»

«Приснился мне один город. В городе том был родник с живой водой. Больной этой воды напьется — выздоровеет. А покойника покропят — он оживет. Только вот уже двадцать лет из этого родника вода не течет. Как тут делу помочь, чтобы она снова потекла?»

«Помочь легко. В том роднике завелась жаба и не дает воде течь. Стоит жабу убить, родник вычистить, и потечет вода как раньше». Когда старичок снова уснул, вырвала у него мать еще один золотой волос и бросила на землю.

«Ну, что с тобой опять стряслось?»

«Ничего, сыночек, ничего! Задремала я и приснился мне дивный сон. Будто стоит город великий, а в том городе растет яблоня, что родит молодильные яблоки. Кто состарится, съест такое яблоко, и помолодеет снова. Только вот уже двадцать лет не родит эта яблоня никаких яблок. Как тут делу помочь?»

«Делу помочь проще простого. Под деревом змея живет и пожирает ее силы. Стоит змею убить, яблоню пересадить и все будет снова по-старому».

Потом старичок опять уснул, а мать вырвала у него третий золотой волос.

«Что ты мне сегодня спать не даешь?» — недовольно спросил старичок и собрался вставать.

«Лежи, сыночек, лежи! Не гневайся ты на меня, разбудила я тебя нечаянно. Пришла на меня дрема и приснился мне дивный сон. Будто живет на свете перевозчик, и вот уже двадцать лет перевозит он людей через черное море. И никто его от этого тяжелого труда освободить не может. Как тут делу помочь?»

«Сын глупой матери! Пусть он сунет весло кому-нибудь в руки, а сам выскочит из лодки на берег. Вот и будет там другой перевозчик. Ну а теперь оставь ты меня в покое. Мне завтра рано вставать надо, слезы королевской дочери высушить, что она наплакала за ночь из-за своего мужа, сына угольщика, которого король послал принести три моих золотых волоса».

Поутру снова забушевал ветер на улице, а на коленях у своей матери вместо старичка проснулось прекрасное золотоволооое дитя, ясное Солнышко. Попрощалось оно с матерью и через восточное окно улетело прочь. Старушка приподняла кадушку и сказала Поплавку:

«Вот тебе три золотых волоса. А что Дед Всевед говорил, ты и сам слышал. Теперь возвращайся-ка ты домой. Меня ты не увидишь больше, потому что я тебе не понадобится».

Поплавок старушку поблагодарил от всего сердца и в путь отправился.

Сначала пришел Поплавок во второй город, и король спросил его, что за новости он несет.

«Хорошие новости, — сказал Поплавок. — Прикажите выкопать яблоню. Там, среди корней, найдете змею. Змею убейте! Потом пересадите яблоню, и будет она снова родить молодильные яблоки».

Король приказал все сделать так, как говорил Поплавок, и яблоня за ночь покрылась цветом, точно ее розами осыпали. Король от радости подарил Поплавку двенадцать коней, черных, точно вороны, и наложил на них столько богатства, сколько могли на себе унести.

Пришел он в первый город, и король спросил его, что за новости он несет.

«Хорошие новости, — сказал Поплавок. — Прикажите родник вычистить, жабу, что сидит на источнике, — убить, и потечет вам снова живая вода».

Король приказал все сделать так, как говорил Поплавок. А как увидел, что вода из родника снова забила, подарил Поплавку двенадцать белых, как лебеди, лошадей, а на них наложил столько золота, серебра и драгоценных камней, сколько на себе унести смогли.

Поплавок пошел дальше. Вот пришел он на берег черного моря, а перевозчик его и спрашивает, узнал ли он, как ему освободиться от злой доли.

«Все узнал, — ответил ему Поплавок, — только ты меня сначала перевези на другую сторону, а потом я тебе расскажу».

Перевозчик сначала упрявился, но когда увидел, что делать нечего, перевез его вместе со всеми конями.

«Вот ужо будешь кого-нибудь перевозить, — сказал ему после этого Поплавок, — дай ты ему весла в руки, а сам выпрыгни на берег! Тот, кого ты перевозил и станет вместо тебя перевозчиком».

Король глазам своим не поверил, когда увидел, что Поплавок принес ему три золотых волоса Деда Всеведа. А дочка его плакала, но теперь уже не от горя, а от радости, что ее муж наконец вернулся.

«А откуда же ты коней достал и богатство превеликое?» — спросил его король.

«Получил в награду», — сказал Поплавок и принялся рассказывать, как помог одному королю молодильные яблоки вернуть, что стариков в молодых превращают, а второму королю — живую воду, что больных здоровыми делает, а мертвых — живыми.

«Молодильные яблоки! Живая вода! — прошептал про себя король. — Вот бы мне попробовать хоть одно яблочко, стал бы я снова молодым, а если бы даже и умер, кропили бы меня той водой, и я бы ожил снова!»

Недолго думая, собрался он в путь за молодильными яблоками и живой водой, — только до сих пор не вернулся. Сделался он перевозчиком на черном море.

А сын угольщика стал королевским зятем, как ему предсказала фея.

Крупеничка — Телешов Н.Д.

Так рассказывают старые люди.

У воеводы Всеслава была единственная дочь, по имени Крупеничка. Шел год за годом, и из русой девочки с голубыми глазами обратилась Крупеничка в редкостную красавицу. Стали подумывать родители, за кого отдать ее замуж. Выдавать дочку на чужую сторону они и думать не хотели и выбирали такого зятя, чтобы жить всем вместе и никогда не расставаться с Крупеничкой.

Слава о дивной красавице далеко разносилась вокруг, и Всеслав этим очень гордился. Но старая мамушка Варварушка боялась такой славы и всегда сердилась, когда ее спрашивали о красоте Крупенички.

— Никакой красавицы у нас нету! — ворчала она. — Вон у соседей — у тех правда красавицы дочери. А у нас — девица как девица: таких везде много, как наша.

А сама налюбоваться и наглядеться не могла на свою Крупеничку. Знала, что красивей ее никого нет; и красивее нет, и добрей, и милей нету. Старые и молодые, бедные и богатые, свои и чужие — все любили Крупеничку за ее доброе сердце.

В народе даже песенка про нее сложилась:

Крупеничка, красная девица,
Голубка ты наша, радость-сердце,
Живи, цветы, молодейся,
Будь всем добрым людям на радость!

Летела, летела слава о красоте Крупенички и долетела до татарского становища, до военачальника Талантая. — Гой вы, храбрые воины, удалые наездники! Покажите-ка мне, что за красавица такая дочка воеводы Всеслава, Крупеничка, — сказал Талантай. — Не годится ли она в жены нашему хану?

Сели на коней три наездника, надели на себя халаты: один надел халат зеленый, точно трава; другой — серый, точно дорога лесная; третий коричневый, как сосновый ствол. Прищурили наездники хитрые глаза, улыбнулись друг другу одними углами губ, задорно встряхнули бритыми головами в мохнатых шапках и поехали-поскакали с молодецким покриком. А через несколько дней вернулись и привезли с собой Талантаю, для хана своего, подарок: дивную красавицу — Крупеничку.

Шла она с мамушкой Варварушкой купаться в озере; а в лесу, как нарочно, ягодка за ягодкой — спелая земляника так и заманивает глубже в чащу. А мамушка все рассказывает ей про одолень-траву, что растет белыми звездами среди озера; надобно собрать этой одолень-травы и в пояс зашить, и тогда с человеком никакой беды не случится: одолень-трава всякую беду отведет. И вскрикнуть обе не успели, как поднялась вдруг перед ними столбом серая пыль с тропинки, с одной стороны сорвался с места сосновый пень лесной и бросился им под ноги, а с другой стороны прыгнул на них зеленый куст. Подхватили они Крупеничку — и тут только увидела мамушка Варварушка, что это был за куст зеленый. Вцепилась она в него что было силы, но хитро извернулся татарин и выскользнул из своей одежды, злодей. Варварушка так и повалилась на землю с зеленым халатом в руках. А что было дальше, она не знала, не ведала, точно затмился с горя ее рассудок. Сидит она целыми днями на берегу озера, глядит на простор воды да все приговаривает:

— Одолень-трава! Одолей ты мне горы высокие, доли низкие, озера синие, берега крутые, леса дремучие, дай ты мне, одолень-трава, увидеть мою милую Крупеничку!

Сидела она так-то над озером да горевала и плакала, как вдруг подошел к ней прохожий старичок, низенький, тощенький, с белой бородкой, с сумочкой за плечами, и говорит Варварушке:

— Иду я в дальнюю сторону басурманскую. Не снести ль кому от тебя поклон?

Посмотрела на него Варварушка и спрашивает:

— А кто ты таков, добрый человек? Как тебя зовут?

— А зовут меня Одолень-трава.

Обрадовалась Варварушка, бросилась с плачем старичку в ноги и опять заголосила, как безумная:

— Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы на нас не думали, дурно бы нам не делали. Верни, старичок, мне мою Крупеничку!

Выслушал ее старичок и ласково ответил:

— Коли так, будь же ты мне в дороге верной спутницей, в трудах помощницей!

Так сказал он мамушке и взмахнул рукавом над ее головой. И тотчас Варварушка обратилась в дорожный посох. С ним и пошел старичок в путь-дорогу. Где гора крута, посошок ему опорой служит, где чаща густа — он кусты раздвигает, где собаки злы — он их отгоняет.

Шел, шел старичок и пришел в татарское становище, где жил Талантай и где снаряжали в ту пору караван для отсылки хану драгоценных подарков. Отсылали золото и меха, камни самоцветные и снаряжали в дальний путь красавиц невольниц.

Среди них была и Крупеничка.

Остановился старичок у дороги, по которой должен был идти караван, развернул свой узелок и начал раскладывать, будто для продажи, разные сласти тут у него и мед, и пряники, и орехи. Огляделся он по сторонам — нет ли кого, поднял над головой и бросил оземь свой посох дорожный, потом взмахнул над ним рукавом — и вместо посоха поднялась с травы и стоит перед ним мамушка Варварушка.

— Ну, теперь, мамушка, не зевай, — говорит ей старичок. — Глади во все глаза на дорогу: на нее вскоре упадет малое зернышко. Как упадет, бери его скорей, зажимай в руке и береги, покуда домой не вернемся. Смотри не потеряй зернышка, коль мила тебе твоя Крупеничка.

Вот и тронулся караван из становища; проходит он по дороге мимо старичка, а тот на лужайке сидит, разложил вокруг себя сласти и приветливо покрикивает:

— Кушайте, красавицы, соты медовые, пряники душистые, орехи каленые!

И мамушка Варварушка ему поддакивает:

— Кушайте, красавицы: веселее будете, румянее станете!

Увидели их татары, велели сейчас же сластями красавиц попотчевать. И старики понесли им свое угощение:

— Кушайте, кушайте на здоровье!

Обступили их девушки; одни посмеиваются, другие молча глядят, третьи печелятся, отворачиваются.

— Кушайте, девицы! Кушайте, красавицы!

Еще издали завидела Крупеничка свою мамушку Варварушку. Сердце у нее так в груди и запрыгало, а лицо побелело.

Чувствует она, что неспроста пришла сюда старуха и неспроста не признает ее, а идет к ней словно чужая: не здоровается, не кланяется, идет прямо на нее, во все глаза глядит и только громким голосом твердит одно и то же:

— Кушайте, милые, кушайте!

Старичок тоже покрикивает, а сам во все стороны раздает кому орехов, кому меду, кому пряников — и всем стало вдруг весело.

Подошел старичок поближе к Крупеничке да как выбросит в воздух в левую сторону от нее у всех над головами целую горсть гостинцев, да еще горсть, да еще горсть... Кинулись девушки ловить да подбирать гостинцы, а он взмахнул рукавом над Крупеничкой в правую сторону — и Крупенички не стало. Только упало вместо нее на дорогу малое гречишное зернышко.

Бросилась за ним мамушка Варварушка, схватила зернышко в руку и зажала крепко-накрепко, а старичок махнул и над нею рукавом — и вместо Варварушки поднял с земли дорожный посох.

— Кушайте, красавицы, кушайте на здоровье!

Роздал он поскорее все остатки, встряхнул пустым мешочком, поклонился всем на прощанье и пошел потихоньку своим путем, опираясь на посох. Татары ему еще воловий пузырь с кумысом на дорогу дали. Никто и не заметил сразу, что невольниц стало на одну меньше.

Долго ли, коротко ли, возвратился благополучно старичок на тот самый берег, где повстречался с мамушкой Варварушкой, где вдоль по озеру раскинулись зеленые широкие листья и белыми звездами по воде цвела одолень-трава. Кинул он оземь свой посох дорожный — и перед ним опять стоит мамушка Варварушка: правая рука в кулачок зажата и к сердцу приложена — не оторвешь.

Спросил ее старичок:

— Укажи мне: где здесь у вас поле, никогда не паханное, где земля, никогда не сеянная?

— А вот тут, около озера, — отвечает Варварушка, — поляна никогда не пахана, земля никогда не сеяна; цветет она чем сама засеется.

Взял тогда старичок из рук у нее гречишное зернышко, бросил его на землю несеяную и сказал:

Крупеничка, красная девица, живи, цвети, молодейся добрым людям на радость! А ты, греча, выцветай, созревай, завивайся — будь ты всем людям на угоду!

Проговорил — и исчез старичок, как будто никогда его здесь и не было. Глядит мамушка Варварушка, протирает глаза, будто спросонья, и видит перед собой Крупеничку, красавицу свою ненаглядную, живую и здоровую.

А там, где упало малое зернышко, зазеленело невиданное доселе растение, и развело оно по всей стране цветистую душистую гречу, про которую и теперь, когда ее сеют, поют старинную песенку:

Крупеничка, красная девица,
Кормилка ты наша, радость-сердце.
Цвети, выцветай, молодейся,
Мудрее, курчавей завивайся,
Будь всем добрым людям на угоду!

Во время посева, 13 июня, в день Гречишницы, в старину всякого странника, бывало, угощали кашей — досыта.

Странники ели да похваливали и желали, чтоб посев был счастливый, чтоб гречи уродилось на полях видимо-невидимо, потому что без хлеба да без каши ни во что труды наши!

Сивка Бурка — русская народная сказка

Было у старика трое сыновей: двое умных, а третий Иванушка-дурачок; день и ночь дурачок на печи валяется.

Посеял старик пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночам толочь и травить. Вот старик и говорит детям:

— Милые мои дети, стерегите пшеницу каждую ночь поочередно, поймайте мне вора.

Приходит первая ночь. Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать: забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром домой и говорит: всю ночь-де не спал, иззяб, а вора не видал.

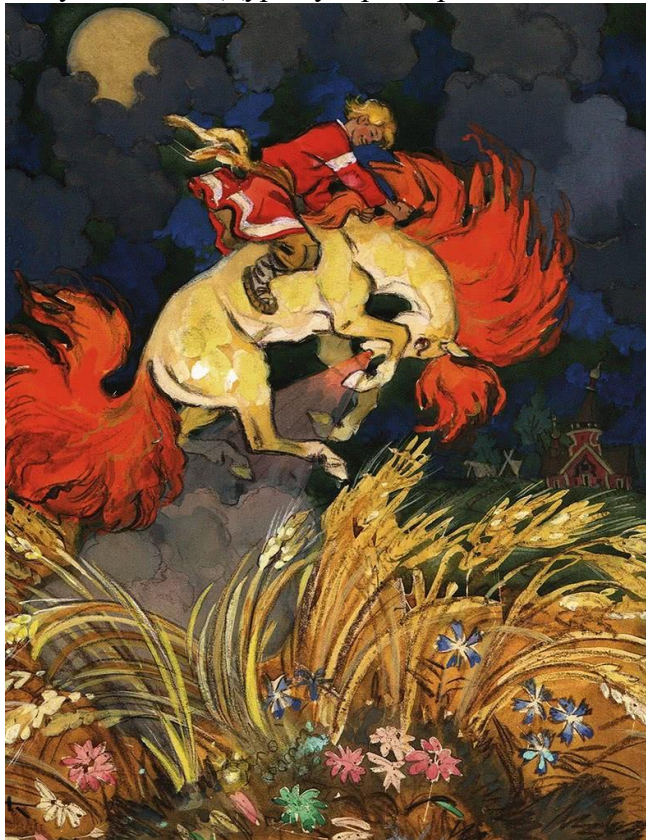
На вторую ночь пошел средний сын и также всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черед дураку идти. Взял он аркан и пошел. Пришел на межу и сел на камень: сидит — не спит, вора дожидается.

В самую полночь прискакал в пшеницу разношерстный конь: одна шерстинка золотая, другая — серебряная, бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. И стал тот конь пшеницу есть: не столько ест, сколько топчет.

Подкрался дурак на четвереньках к коню и разом накинул ему на шею аркан. Рванулся конь изо всех сил — не тут-то было. Дурак уперся, аркан шею давит. И стал тут конь дурака молить:

— Отпусти ты меня, Иванушка, а я тебе великую сослужу службу!

— Хорошо,— отвечает Иванушка-дурачок. — Да как я тебя потом найду?

— Выйди за околицу, — говорит конь, — свистни три раза и крикни: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» — я тут и буду.

Отпустил коня Иванушка-дурачок и взял с него слово — пшеницы больше не есть и не топтать.

Пришел Иванушка домой.

— Ну что, дурак, видел? — спрашивают братья.

— Поймал я, — говорит Иванушка, — разношерстного коня. Пообещался он больше не ходить в пшеницу

— вот я его и отпустил.

Посмеялись вволю братья над дураком, но только уж с этой ночи никто пшеницы не трогал.

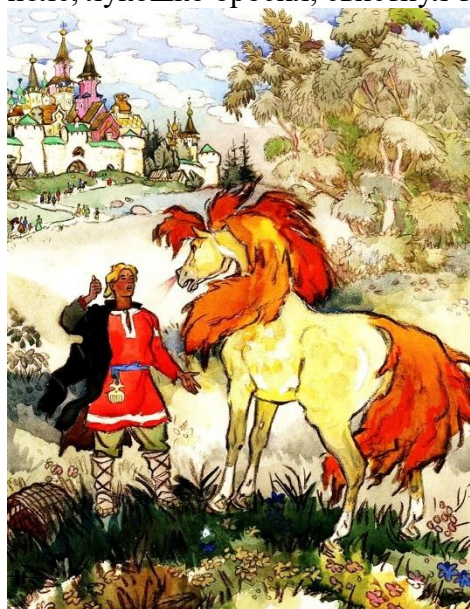
Скоро после этого стали по деревням и городам бирючи (глашатай) от царя ходить, клич кликать: собирайтесь-де, бояре и дворяне, купцы и мещане и простые крестьяне, все к царю на праздник, на три дня; берите с собой лучших коней; и кто на своем коне до царевнина терема доскочит и с царевниной руки перстень снимет, за того царь царевну замуж отдаст.

Стали собираться на праздник и Иванушкины братья: не то чтобы уж самим скакать, а хоть на других посмотреть. Просится и Иванушка с ними.

— Куда тебе, дурак! — говорят братья. — Людей, что ли, хочешь пугать? Сиди себе на печи да золу пересыпай.

Уехали братья, а Иванушка-дурачок взял у невесток лукошко и пошел грибы брать. Вышел Иванушка в поле, лукошко бросил, свистнул три раза и крикнул:

— Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит — земля дрожит, из ушей пламя, из нозрей дым столбом валит. Прибежал — и стал конь перед Иванушкой как вкопанный.

— Ну, — говорит, — влезай мне, Иванушка, в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иванушка коню в правое ухо, а в левое вылез — и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать.

Сел тогда Иванушка на коня и поскакал на праздник к царю. Прискакал на площадь перед дворцом, видит — народу видимо-невидимо; а в высоком терему, у окна, царевна сидит: на руке перстень — цены нет, собой красавица из красавиц. Никто до нее скакать и не думает: никому нет охоты наверняка шею ломать. Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бедрам, осерчал конь, прыгнул — только на три венца до царевнина окна не допрыгнул.

Удивился народ, а Иванушка повернул коня и поскакал назад. Братья его не скоро посторонились, так он их шелковой плеткой хлестнул. Кричит народ: «Держи, держи его!» — а Иванушкин уж и след простыл.

Выехал Иван из города, слез с коня, влез к нему в левое ухо, в правое вылез и стал опять прежним Иванушкой-дурачком. Отпустил Иванушка коня, набрал лукошко мухоморов и принес домой.

— Вот вам, хозяйюшки, грибков, — говорит.

Рассердились тут невестки на Ивана:

— Что ты, дурак, за грибы принес? Разве тебе одному их есть!

Усмехнулся Иван и опять залез на печь.

Пришли братья домой и рассказывают отцу, как они в городе были и что видели, а Иванушка лежит на печи да посмеивается.

На другой день старшие братья опять на праздник поехали, а Иванушка взял лукошко и пошел за грибами.

Вышел в поле, свистнул, гаркнул:

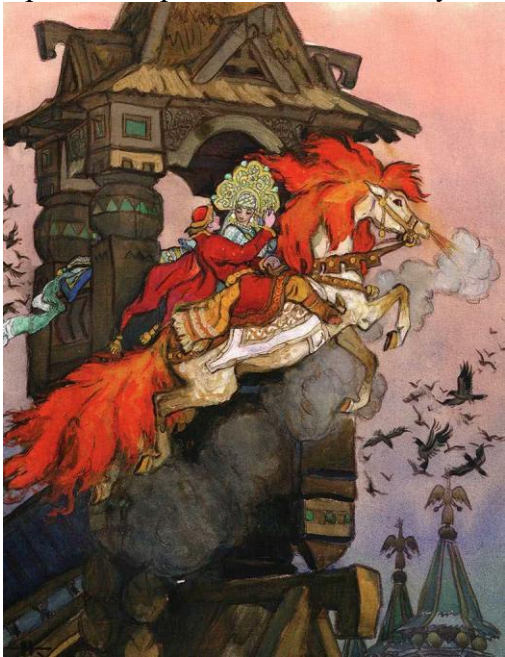
— Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Прибежал конь и встал перед Иванушкой как вкопанный.

Перерядился опять Иван и поскакал на площадь. Видит — на площади народу еще больше прежнего; все на царевну любят, а прыгать никто не думает: кому охота шею ломать! Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бедрам, осерчал конь, прыгнул — и только на два венца до царевнина окна не достал. Поворотил Иванушка коня, хлестнул братьев, чтоб посторонились, и ускакал.

Приходят братья домой, а Иванушка уже на печи лежит, слушает, что братья рассказывают, и посмеивается.

На третий день братья опять поехали на праздник, прискакал и Иванушка. Стегнул он своего коня плеткой. Осерчал конь пуще прежнего: прыгнул — и достал до окна. Иванушка поцеловал царевну и ускакал, не забывши братьев плеткой огреть. Тут уж и царь и царевна стали кричать: «Держи, держи его!» — а Иванушкин и след простыл.

Пришел Иванушка домой — одна рука тряпкой обмотана.

— Что это у тебя такое? — спрашивают Ивана невестки.

— Да вот, — говорит, — искавши грибов, сучком накололся. — И полез Иван на печь.

Пришли братья, стали рассказывать, что и как было. А Иванушке на печи захотелось на перстенок посмотреть: как приподнял он тряпку, избу всю так и осияло.

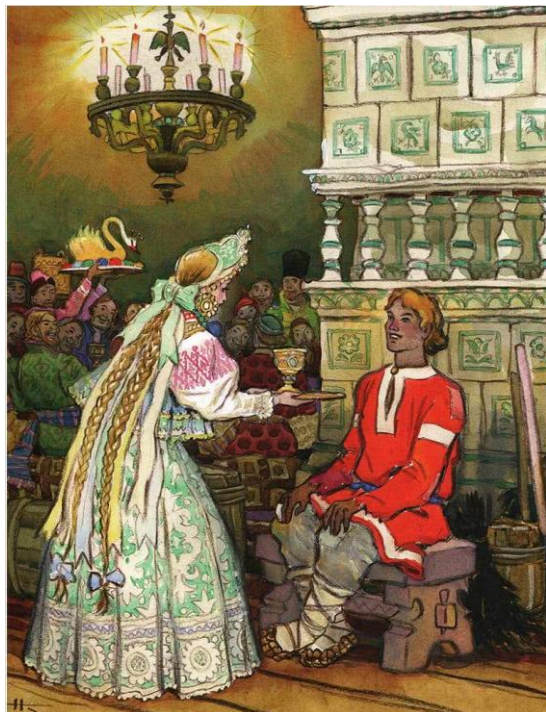
— Перестань, дурак, с огнем баловать! — крикнули на него братья. — Еще избу сожжешь. Пора тебя, дурака, совсем из дому прогнать!

Дня через три идет от царя клич, чтобы весь народ, сколько ни есть в его царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться, а кто царским пиром побрезгует — тому голову с плеч.

Нечего тут делать, пошел на пир сам старик со всей семьей.

Пришли, за столы дубовые посадились; пьют и едят, речи гуторят.

В конце пира стала царевна медом из своих рук гостей обносить. Обошла всех, подходит к Иванушке последнему; а на дураке-то платьишко худое, весь в саже, волосы дыбом, одна рука грязной тряпкой завязана... просто страсть.

— Зачем это у тебя, молодец, рука обвязана? — спрашивает царевна. — Развяжи-ка.

Развязал Иванушка руку, а на пальце царевнин перстень — так всех и осиял.

Взяла тогда царевна дурака за руку, подвела к отцу и говорит:

— Вот, батюшка, мой суженый.

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одели в царское платье, и стал он таким молодцом, что отец и братья глядят — и глазам своим не верят.

(Илл. Н.Кочергина)

Пусть будут соловей и жук. Сухомлинский В.А.

В саду пел Соловей. Его песня была прекрасна. Он знал, что его песню любят люди и поэтому смотрел с гордостью на цветущий сад, на яркое синее небо, на маленькую Девочку, которая сидела в саду и слушала его песню.

А рядом с Соловьем летал большой рогатый Жук. Он летал и жужжал. Соловей прервал свою песню и говорит с досадой Жуку:

— Прекрати свое жужжание. Ты не даешь мне петь. Твое жужжание не нужно никому, и вообще, лучше бы, если бы тебя, жука, вообще не было.

Жук с достоинством ответил:

— Нет, Соловей, без меня, Жука, тоже мир невозможен, как и без тебя, Соловья.

— Вот так мудрость! — рассмеялся Соловей.- Значит, ты тоже нужен людям? Вот спросим у девочки, она скажет, кто нужен людям и кто не нужен.

Полетели Соловей и Жук к Девочке, спрашивают:

— Скажи, Девочка, кого нужно оставить в мире — Соловья или Жука?

— Пусть буду и Соловей и Жук, — ответила Девочка — И подумав, добавила: — Как же можно без Жука?

Крошечка-Хаврошечка — русская народная сказка

Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые бога не боятся, своего брата не стыдятся: к таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка.

Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подает, и прибирает, и за всех и за все отвечает.

А были у хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть.

А Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слышала. Вот то-то и больно — ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да прихотить нет никого!

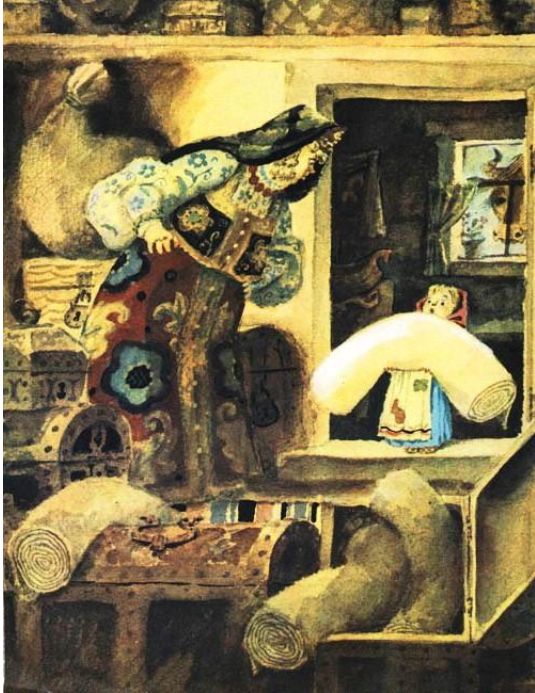
Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

— Коровушка-матушка! Меня бьют, жуют, хлеба не дают, плакать не велят. К завтраму дали пять пудов напрядь, наткать, побелить, в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

— Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано.

Так и сбывалось. Вылезет красная девица из ушка — все готово: и наткано, и побелено, и покатоно.

Отнесет к мачехе; та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а ей еще больше работы задаст. Хаврошечка опять придет к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет принесет.

Дивится старуха, зовет Одноглазку:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядись, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?

Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке; а Хаврошечка приговаривает:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, матернино приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкает;

— Спи, глазок, спи, другой!

Коровушка наткала, побелила, в трубы покатала; а Двуглазка все еще спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте еще больше работы дала. И Триглазка, как ее старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошечка поет:

— Спи, глазок, спи, другой! — а об третьем забыла. Два глаза заснули, а Третий глядит и все видит, все — как красная девица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Все, что видела, Триглазка матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

— Режь рябую корову! Старик так, сяк:

— Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

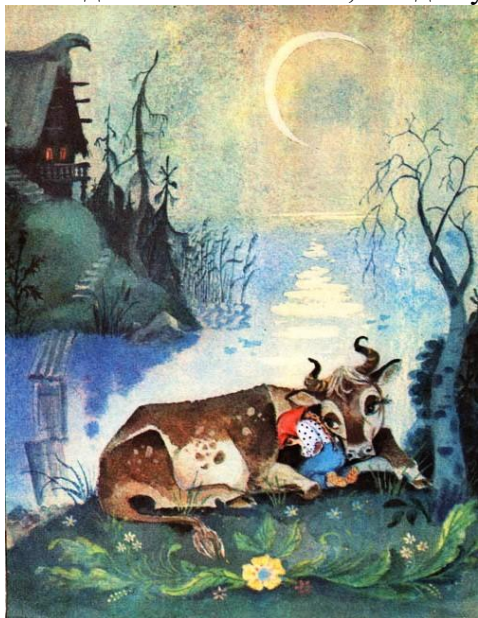
— Режь, да и только!

Наточил ножик...

Побежала Хаврошечка к коровушке:

— Коровушка-матушка! Тебя хотят резать.

— А ты, красная девица, не ешь моего мяса; косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их рассади и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай.

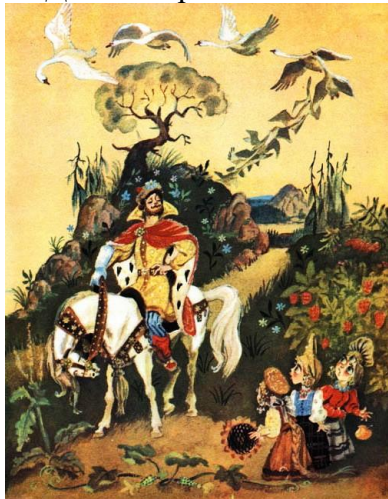

Хаврошечка все сделала, что коровушка завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая — боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — тот заглядывается.

Случилось раз — девушки гуляли по саду; на ту пору ехал по полю барин — богатый, кудреватый, молоденький. Увидел яблочки, затрогал девушек:

— Девицы-красавицы! — говорит он. — Которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет.

И бросились три сестры одна перед другой к яблоньке. А яблочки-то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сестры хотели их сбить — листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучья косы расплетают; как ни бились, ни метались — ручки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились. Барин на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не зная.

(Илл. Елисеева А.М.)

Самуил Маршак — Друзья-товарищи

День стоял весёлый
Раннею весной.
Шли мы после школы —
Я да ты со мной.

Куртки нараспашку,
Шапки набекрень, —
Шли, куда попало
В первый тёплый день.

Шли, куда попало,
Просто наугад,
Прямо и направо,
А потом назад.

А потом обратно,
А потом кругом,
А потом вприпрыжку,
А потом бегом.

Весело бродили
Я да ты со мной,
Весело вернулись
К вечеру домой.

Весело расстались —
Что нам унывать?
Весело друг с другом
Встретимся опять.

Юлия Белоусова — Дружба это дар

Дружба – это дар нам свыше,
Дружба – это свет в окне;
Друг всегда тебя услышит,
Он не бросит и в беде.

Но не каждому дано
Знать, что дружба есть на свете,
Что с друзьями жить легко,
Веселее с ними вместе.

Кто без друга прошагал
По дороге жизни этой,
Тот не жил – существовал.
Дружба – это мир планеты.

Елена Благинина — Подарок

Пришла ко мне подружка,
И мы играли с ней.
И вот одна игрушка
Вдруг приглянулась ей:

Лягушка заводная,
Весёлая, смешная.

Мне скучно без игрушки –
Любимая была!
Но всё же я подружке
Игрушку отдала.

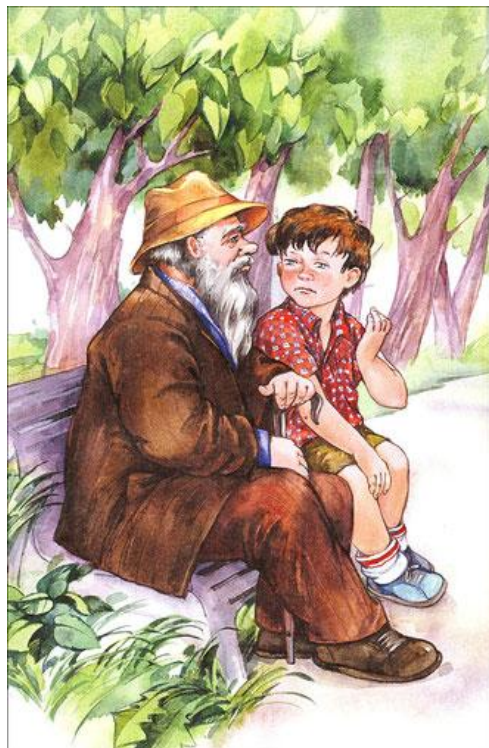
Елена Стеквашова — Друзья

Как начну конфеты есть,
У меня «друзей» не счесть.
А закончились конфеты
И «друзей» в помине нету.

За конфету каждый «друг»,
Так и рвёт её из рук.
Ну, зачем мне «дружба» эта?
Я и сам люблю конфеты.

Волшебное слово

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

- Подвиньтесь, - сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное сердитое лицо мальчика, сказал:

- С тобой что-то случилось?

- Ну и ладно! А вам-то что? - покосился на него Павлик.

- Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

- Ещё бы! - сердито буркнул мальчик. - Я скоро совсем убегу из дому.

- Убежишь?

- Убегу! Из-за одной Ленки убегу, - Павлик сжал кулаки. - Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не даёт! А у самой сколько!..

- Не даёт? Ну, из-за этого убежать не стоит.

- Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

- Пустяки! - сказал старик. - Один поругает - другой пожалеет.

- Никто меня не жалеет! - крикнул Павлик. - Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: «Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла утащу, сам в лодку залезу!»

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

- Что же, не берёт тебя брат?

- А почему вы всё спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду:

- Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

- Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни - тихим голосом, глядя прямо в глаза...

- А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

- Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

- Я попробую, - усмехнулся Павлик, - я сейчас же попробую.

Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски - зелёные, синие, красные - лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгрела их в кучу и накрыла рукой.

«Обманул старик! - с досадой подумал мальчик. - Разве такая поймёт волшебное слово!»

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

- Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы её разжались, и, снимая руку со стола, она смущённо пробормотала:

- Ка-кую тебе?

- Мне синюю, - робко сказал Павлик.

Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

«Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?»

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки.

Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

- Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась. Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке.

- Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! - приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щеки.

«Волшебник! Волшебник!» - повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

- Возьми меня, пожалуйста.

За столом сразу все замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

- Возьми его, - вдруг сказала сестра. - Что тебе стоит!

- Ну, отчего же не взять? - улыбнулась бабушка. - Конечно, возьми.

- Пожалуйста, - повторил Павлик.

Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы:

- Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся!

«Помогло! Опять помогло!»

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

Сверху вниз, наискосок!

В. Драгунский

В то лето, когда я еще не ходил в школу, у нас во дворе был ремонт. Повсюду валялись кирпичи и доски, а посреди двора высилась огромная куча песка. И мы играли на этом песке в «разгром фашистов под Москвой», или делали куличики, или просто так играли ни во что.

Нам было очень весело, и мы подружились с рабочими и даже помогали им ремонтировать дом: один раз я принес слесарю дяде Грише полный чайник кипятку, а второй раз Алёнка показала монтерам, где у нас черный ход. И мы еще много помогали, только сейчас я уже не помню всего.

А потом как-то незаметно ремонт стал заканчиваться, рабочие уходили один за другим, дядя Гриша попрощался с нами за руку, подарил мне тяжелую железку и тоже ушел.

И вместо дяди Гриши во двор пришли три девушки. Они все были очень красиво одеты: носили мужские длинные штаны, измазанные разными красками и совершенно твердые. Когда эти девушки ходили, штаны на них гремели, как железо на крыше. А на головах девушки носили шапки из газет. Эти девушки были маляры и назывались: бригада. Они были очень веселые и ловкие, любили смеяться и всегда пели песню «Ландыши, ландыши». Но я эту песню не люблю. И Аленка. И Мишка тоже не любит. Зато мы все любили смотреть, как работают девушки-маляры и как у них все получается складно и аккуратно. Мы знали по именам всю бригаду. Их звали Санька, Раечка и Нелли.

И однажды мы к ним подошли, и тетя Саня сказала:

– Ребятки, сбегайте кто-нибудь и узнайте, который час.

Я сбегал, узнал и сказал:

– Без пяти двенадцать, тетя Саня...

Она сказала:

– Шабаш, девчата! Я – в столовую! – и пошла со двора. Р

И тетя Раечка и тетя Нелли пошли за ней обедать.

А бочонок с краской оставили. И резиновый шланг тоже.

Мы сразу подошли ближе и стали смотреть на тот кусочек дома, где они только сейчас красили. Было очень здорово: ровно и коричнево, с небольшой краснотой. Мишка смотрел-смотрел, потом говорит:

– Интересно, а если я покачаю насос, краска пойдет?

Аленка говорит:

– Спорим, не пойдет!

Тогда я говорю:

– А вот спорим, пойдет!

Тут Мишка говорит:

– Не надо спорить. Сейчас я попробую. Держи, Дениска, шланг, а я покачаю.

И давай качать. Раза два-три качнул, и вдруг из шланга побежала краска! Она шипела, как змея, потому что на конце у шланга была нахлобучка с дырочками, как у лейки. Только дырки были совсем маленькие, и краска шла, как одеколон в парикмахерской, чуть-чуть видно.

Мишка обрадовался и как закричит:

– Крась скорей! Скорей крась что-нибудь!

Я сразу взял и направил шланг на чистую стенку. Краска стала брызгаться, и там сейчас же получилось светло-коричневое пятно, похожее на паука.

– Ура! – закричала Аленка. – Пошло! Пошло-поехало! – и подставила ногу под краску.

Я сразу покрасил ей ногу от колена до пальцев. Тут же, прямо у нас на глазах, на ноге не стало видно ни синяков, ни царапин! Наоборот, Аленкина нога стала гладкая, коричневая, с блеском, как новенькая кегля.

Мишка кричит:

– Здорово получается! Подставляй вторую, скорей!

И Аленка живенько подставила вторую ногу, а я моментально покрасил ее сверху донизу два раза.

Тогда Мишка говорит:

– Люди добрые, как красиво! Ноги совсем как у настоящего индейца! Крась же ее скорей!

– Всю? Всю красить? С головы до пят?

Тут Аленка прямо завизжала от восторга:

– Давайте, люди добрые! Красьте с головы до пят! Я буду настоящая индейка.

Тогда Мишка приналег на насос и стал качать во всю ивановскую, а я стал Аленку поливать краской. Я замечательно ее покрасил: и спину, и ноги, и руки, и плечи, и живот, и трусики. И стала она вся коричневая,

только волосы белые торчат.

Я спрашиваю:

– Мишка, как ты думаешь, а волосы красить?

Мишка отвечает:

– Ну конечно! Крась скорей! Быстрее давай!

И Аленка торопит:

– Давай-давай! И волосы давай! И уши!

Я быстро закончил ее красить и говорю:

– Иди, Аленка, на солнце пообсохни! Эх, что бы еще покрасить?

А Мишка:

– Вон видишь, наше белье сушится? Скорей давай крась!

Ну с этим-то делом я быстро справился! Два полотенца и Мишкину рубашку я за какую-нибудь минуту так отделал, что любо-дорого смотреть было!

А Мишка прямо вошел в азарт, качает насос, как заводной. И только покрикивает:

– Крась давай! Скорей давай! Вон и дверь новая на парадном, давай, давай, быстрее крась!

И я перешел на дверь. Сверху вниз! Снизу вверх! Сверху вниз, наискосок!

И тут дверь вдруг раскрылась, и из нее вышел наш управдом Алексей Акимыч в белом костюме.

Он прямо остолбенел. И я тоже. Мы оба были как заколдованные. Главное, я его поливаю и с испугу не могу даже догадаться отвести в сторону шланг, а только размахиваю сверху вниз, снизу вверх. А у него глаза расширились, и ему в голову не приходит отойти хоть на шаг вправо или влево...

А Мишка качает и знай себе ладит свое:

– Крась давай, быстрее давай!

И Аленка сбоку вытанцовывает:

– Я индейка! Я индейка!

Ужас!

...Да, здорово нам тогда влетело. Мишка две недели белье стирал. А Аленку мыли в семи водах со скипидаром...

Алексею Акимычу купили новый костюм. А меня мама вовсе не хотела во двор пускать. Но я все-таки вышел, и тетя Саня, Раечка и Нелли сказали:

– Вырастай, Денис, побыстрее, мы тебя к себе в бригаду возьмем. Будешь маляром!

И тех пор я стараюсь расти быстрее.

